

*драматическая
повесть*

Владислав
Дорофеев

Выкидыш

Владислав Юрьевич Дорофеев

Выкидыш

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181623

Аннотация

Перед вами настоящая человеческая драма, драма потери иллюзий, убеждений, казалось, столь ясных жизненных целей. Книга написана в жанре внутреннего репортажа, основанного на реальных событиях, повествование о том, как реальный персонаж, профессиональный журналист, вместе с семьей пытался эмигрировать из России, и что из этого получилось...

Содержание

От автора	4
Выкидыш	8
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Владислав Дорофеев

ВЫКИДЫШ

От автора

Перед вами настоящая человеческая драма, драма потери иллюзий, убеждений, казалось, столь ясных жизненных целей.

Книга написана в жанре внутреннего репортажа, основанного на реальных событиях, повествование о том, как реальный персонаж, профессиональный журналист, вместе с семьей пытался эмигрировать из России, и что из этого получилось. Причины обычны для эмигрантов конца двадцатого столетия – безнадежность, упадочность, уныние, воцарившиеся в российском обществе, насилие и еще политические преследование, вымышленное или настоящее, что, впрочем, не имеет особенного значения, поскольку грань между реальным и желаемым в мозгах человека часто размывается.

Поначалу в Германии, куда переехали наши герои, все складывалось благополучно, отношение ко всему у них было даже восторженное. Они в восхищении от страны, от западного образа жизни, им все нравится, они путешествуют по Германии. Им все нравится, сбываются, подтверждаются все, самые идеалистические представления о западном об-

разе жизни. Они еще и ждут ребенка.

Но тут разразился югославский кризис 1999 года. В конце марта 1999 года объединенная коалиция западных стран в неистовом стремлении остановить мифический геноцид албанцев, проживающих в сербском крае Косово, начала войну против Югославии, а точнее, против Сербии. Не прекращающиеся бомбардировки городов, дорог, сел и электростанций. Полное разрушение инфраструктуры. Сербия погружается в экономический хаос. Все это ради пресловутого романтического лозунга, выдвинутого западными лидерами, о том, что надо войти в следующее столетие с чувством исполненного долга в деле восстановления мира и справедливости в Европе.

Лживые лозунги и повсеместное унижение в западных средствах массовой информации Сербии и, ее единственного союзника, России вызвало у нашего героя, заметим, профессионального журналиста, то есть изнутри понимающего информационную и пропагандистскую кухню, не просто отторжение, а принципиально изменило его точку зрения на западный мир, на западную цивилизацию. Возникает ощущение прозрения, всплывают наружу детали и обстоятельства, на которые он прежде не обращал внимания, или же они ему представлялись несущественными. Скорее по инерции он еще продолжает путешествовать по стране.

За красивым фасадом обеспеченной демократической жизнью выглядят те же самые обстоятельства и запреты,

от которых наш герой решил убежать, покидая Россию. Но там, по крайней мере, была его родина, а здесь враждебно настроенные по отношению к его стране люди, враждебное общество, которое потешается над его родиной.

Герой переживает трагедию, рушатся многие прежние представления и не оправдываются ожидания.

Осмысленный европейский порядок и комфорт оказываются лишь фасадом, скрывающим жестокий диктат одного мнения, одного образа жизни, что является следствием удручающего общественного одномыслия и догматизма, духовного и душевного вырождения. Авторитаризм, несправедливость и ярко выраженная несвобода западного мира, для него теперь очевидны. Он решает вернуться. Решение принято окончательно. Пока не начали укореняться, лучше вернуться.

В Европе, куда он решил уехать в поисках более разумной, свободной и очеловеченной жизни, все оказалось не так, как представлялось со стороны, из хаоса российской жизни. Ожидания не оправдались, более того, прошлые аллюзии и представления о западном образе жизни оказались бессмысленными и ложными.

Неудавшиеся эмигранты возвращаются домой. В России нашему герою также несладко. Насилием и жестокостью пропитан воздух родины. Внешний хаос давит на чувства и мысли. А на родине у него ощущение полной деградации нации. Через несколько дней после возвращения герой и его жена

переживают новую драму, умирает не родившийся ребенок. У жены выкидыш. Как жить дальше?!

В одночасье столько всего рушится и переосмысливается. Такие испытания надо пройти. Надо определить новые очертания жизни.

Владислав Дорофеев

Выкидыш

Драматическая повесть

*«И сказал Давид Нафану: я согрешил пред Господом. И сказал Нафан Давиду: и Господь снял с тебя грех твой; ты не умрешь. Но как ты этим делом подал повод врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын...»
(Вторая книга Царств 12. 13–14)*

031099. Приехали мы в Германию в среду, после обеда, ближе к вечеру. Сразу же сели ужинать. Все, приезжающие в Германию в среду после обеда, ужинают. Это – такой обычай. Надо сказать, весьма распространенный в мире. Куда бы вы ни приехали после обеда, да еще в среду, да ближе к вечеру, вам непременно предложат поужинать. В Кёльн (Германия), в Париж (Франция), в Нью-Йорк (США), в Брюссель (Бельгия), в Козлов (Россия) или в Николаев (Украина). Всё равно. В этом смысле всё равно куда лететь. Всё едино. После обеда, в среду, ближе к вечеру, нам всюду предложили бы ужин, а после ужина всюду – туалет, душ и постель.

Мы выбрали Германию. Случайно. Практически. Потому как всюду нас бы ожидал ужин после обеда в среду! – куда бы мы ни прилетели. Тем паче, что при отлете из России нас всё равно сопровождал бы только трепет и ужас. Всё равно, куда

бы ни лететь. Трепет и ужас – едины. Поскольку мы обычные недотепы, то и трепет, сопровождающий нас при отлете, обычен и прост, – это страх перед политической полицией. Всемогущественным и мифологическим органом власти над жизнями и судьбами людскими. Мы боялись ареста. Почему?

Потому что я предполагал, что меня не выпустят из страны. Потому что меня обвинили в шпионской деятельности в пользу Израиля.

Страхи мои начались 20 ноября 1998 год. Московская промозглая поздняя осень.

За два дня до того было также промозгло и истошно сыро. За два дня до того глубокой ночью земля прошла сквозь метеоритное облако. Мы с Хеленой ничего не видели, ибо ночное небо было закрыто облаками. Это было примерно с трех до четырех ночи. Все это время я познавал Хелену. Потом она призналась, что несколько раз она хотела взмолиться, прекратить! – не могла больше. *«Что это такое?»* – Думал я, обходя лужи грязи и воды. – *«Гордыня!? Глупость!? Человечность!? Стиль!? Безвкусице!? Блуд!?!»* – Прежде, чем уснуть, сказал себе. – *«Через несколько дней исполнится полгода нашей дочери. Двойра – моя третья дочь... Даже перед смертью последнее сказанное слово может изменить мир. Но, чтобы сказать это слово, надо проснуться, надо не спать. А почему мы спим, разве мы знаем, как нам жить?! Спокойно. Без истерик. Бдительность. Но и спокойствие».*

Зато и а утро у Хелены было много молока для вскармливания нашей дочери, Петрушки, как мы ее называем про себя и в себе.

Итак, осенне. Сумрачно, сыро и низменно. На дорогах наледи, между домами завывает ветер. Побыстрее бы добратся до метро или подъезда. На сей раз подъезда ОВИРа, по путанному вызову, с целью сделать копии некоторых документов, которых, мол, не оказалось в деле. В каком деле, каких документов на окраине сознания. Хотя и особенного удивления нет, я довольно часто по журналистским делам уезжаю за границу. Но ОВИР не причем, я паспорт оформляю через МИД, а визу, соответственно, получаю в посольствах.

Добрался, всхожу на третий этаж. Обгоняю на лестнице огромного детину, с хладными мертворожденными глазами и дунувшим в мою сторону внутренним интересом. Охолодело сердце – по мою душу! Точно! Оклик – «*Halt*» (я не вдруг осознал, что он окликнул меня по-немецки)! Обращаясь ко мне по имени-отчеству и после нескольких невразумительных слов насчет его принадлежности к политической полиции, о чем свидетельствует торчащее у меня под носом краснокожее удостоверение, этот мертворожденный детина начинает с налету! вербовать меня в сексоты. Он припирает меня к окну и предлагает рассказать всё, что я знаю о внутренней жизни израильского посольства, о моих контактах с израильскими дипломатами. Наткнувшись на вопросы и сопротивление, угрожает, затем шантажирует возможным

обвинением в шпионаже в пользу Израиля. Мол, ты есть – инициативный шпион, ты частенько ходил в израильское посольство, а мы не знаем, чем ты там занимался. И вообще, мол, мы тебя пока не арестовываем, не запрещаем тебе работать и жить на свободе. Гуляй пока.

Во время часового разговора-допроса-перебранки чекист-Сергей (так он представился – через дефис) сетует на неоправданно отрицательный образ политической полиции (как будто бы он когда-нибудь может быть иным!), сложившийся в российском народе. Мол, Гусев (редактор бульварной московской газеты), когда взорвали его корреспондента Холодова, обвинил во всех грехах политическую полицию. А нас, мол, и так постоянно реформируют, мешают работать, нас унижают. А мы защищаем безопасность граждан.

«Надеюсь! Вы не сомневаетесь в этом?!» – Спрашивает он меня пытливо.

«В чем?!». – Обычный ораторский прием, чтобы выиграть время, и найти ответ.

«В том, что мы защищаем безопасность граждан?» — Он так и говорит, *«защищаем безопасность»*.

«В том, что вы это должны делать?! Нет!».

Он пахнет во время разговора, этот политический полицейский воняет. Вокруг него стоит запах гнили. Он родился уже гнилым, потому что он родился мертвым. Мертвые – не секрет – всегда гниют. И этот, есть надежда, сгниет когда-нибудь до костей. А кости не пахнут, перемешанные с

песком, травой, гравием, омытые водой, источенные временем. Умри! Думаю я, глядя на этот двигающийся громадный труп, неестественно огромный. Могила, подземное стеснение, несвобода – всё это накладывает отпечаток на внешность. Кто же их вынимает из могил, кто им не дает покоя, рождая мертвые трупы вновь и вновь?

Было ли мне страшно? Банальный в таких случаях вопрос?! Было. Но еще сильнее было чувство омерзения, охватившее меня, от соприкосновения с гнилью и мертвечиной. Прошло много времени, а я продолжаю чувствовать дуновение гнилого дыхания и прикосновение мертворожденного взгляда к моей жизни, ко мне.

К тому же я не знаю, что мне предпринять. Неприятно чувствовать себя в роли кролика, которому уже определили роль и время. Я ничего не знаю про их намерения. Теперь они меня не оставят никогда. Никогда. Посадят – убьют – превратят в жертву – попытаются использовать?! Что? Не знаю!

А как на душе? На душе нелепо. Явь перемешалась с бредом. Границы реальности и воображения перемешались. В последние дни мы с Хеленой много занимаемся любовью. Судорожно много. Может быть, так всегда и происходит с любящими людьми, когда им предстоит расставание надолго? Нет! Нельзя паниковать. Надо быть тверже, определеннее, умнее, непреклоннее. И перестать играть с жизнью.

Оставь. Это не очень понятно читателю. Это требует объ-

яснений.

Ну, так вот. Мы прилетели в Германию. Мы прошли германскую границу, идем по длинному коридору дюссельдорфского аэропорта к выходу. Я поправляю сумку тяжелую на плече. Вздохнул. Вот – на свободе. Там, на выходе нас ждут, нас встречают, нам рады, нас обнимают. Кто? Родители Хелены. Там, откуда мы приехали, нас грозились арестовать, обвинить в государственной измене и посадить в тюрьму. Бр-бр-бр! Малоприятная перспектива.

Террор, доносительство, подлость, унижение и бесправие – остались сутью страны России.

Нет. Не так.

Вот так: в стране начался индивидуальный политический террор; революция продолжается; началась решающая стадия; уже гражданская война в самом разгаре; впрочем, гражданская война была всегда, только она была не в явной форме; и ничего невозможно изменить; кровавая бойня была заменена кровавым террором; ясно, что период гражданской войны еще не завершён; мирное строительство еще не началось. Вот так, пожалуй, и точнее, и драматичнее, жаль, не умнее.

Вот так умнее! Меня пытались завербовать в агенты политической охраны. Сделать сексотом. Наткнувшись на мое сопротивление и мое возмущение, попытались шантажировать обвинением в шпионаже, затем пригрозили возможностью ареста и допросов.

Возможно это лишь потому, что в стране за все годы предыдущей власти создана ужасающая по силе карательная машина, проникающая во все поры, достающая каждого человека. Основная задача этой карательной машины в том, чтобы усреднить человека, смять его исключительность.

Я – лишь один пример. Маленький. Почти незначительный. Но пример.

Вот и меня постоянно преследует государство!

Государство меня обвиняло во всех смертных грехах – воровстве, убийстве, клевете, лжи, насилии, наконец, в государственной измене. Каждый раз масштаб и абсурдность обвинений росли. Уже шесть раз я сталкивался с государственной карательной машиной, наезжающей на меня усилиями доносчиков, клеветников. Первопричиной первого, второго и последнего наветов были евреи, третьего азиат, четвертого русский, пятого украинец.

Цинично. Черета лживых обвинений! В некотором смысле это даже лестно. Это – льстит. Последнее столкновение с государственным сатанизмом, в лице политической полиции, подтверждает мою состоятельность. Я состоялся как личность, как литератор, как человек. Ужасно то, что страна практически не изменилась. Вовсе.

Это еще и искушение, проверка, проявление силы сатанинской. На меня наезжала государственная машина всякий раз, когда у меня начинался очередной духовный рывок. А поскольку государству невозможно противостоять, есть

только один способ противостояния государственной машине – сохранение человеческого достоинства навсегда, до конца.

В результате этих клеветнических обвинений была подорвана моя вера в человека, я лишился бизнеса, я боялся за жизнь свою и своих детей.

Как результат, которого враг мой, в лице государства, добился: мне пришлось начинать заново выстраивать жизнь, сначала в Туле в 1974 году, затем в Москве в 1981 году, затем в Орле в 1982 году, потом в Москве в 1984 году, потом в Хабаровске в 1986, затем в Москве последовательно, в 1993, 1996 и вот 1998–1999 гг. Теперь страна исторгает, выкидывая вон – придется вновь начинать всё сначала.

Прежде я думал, что это всё – наказание за мои грехи жизненные. Теперь я думаю, что это – ответ из глубин ада, реакция абсолютного зла на новую вспышку света, на расширение области добра, на очищение еще одной человеческой души, ее избавление от тьмы душевной.

Государство добилось пока одного – я не боюсь. А ведь это вредно для государства. Чем больше в стране людей, которые не боятся государства, тем государство слабее. Государственная жизнь превращается тогда в кошмар.

А каким напряженным был последний буквальный год, из которого я сейчас уехал?! Вот они, мистические события 1998–1999 гг.

Май. Развод.

Май. Рождение Двойры.

Июнь. Сумасшедшей силы ураган в Москве. Подобный обрушился на Москву в 1937 году.

Июль. Поездка в Соловецкий монастырь.

Август. В стране экономический кризис. Финансовый коллапс. Начало разрухи.

Сентябрь. Смена профессии. Окончание журналистики.

Ноябрь. Земля прошла сквозь облако метеоритов. Подобное было в 1966 году, следующее предполагается через сто лет.

Ноябрь. Новое столкновение с политической полицией. Допрос.

Февраль. Беременность Хелены.

Итог: жизнь изменилась бесповоротно. И навсегда. И приобрела другой, более сильный смысл и иное звучание.

Впрочем, жизнь ужасающа в своей беспринципности, глупости и абсурдности. После моего столкновения с государственной машиной в ее самом страшном и сильном качестве, начался новый отсчет времени в моей/нашей жизни.

И я решил: хочу уехать из страны. Хотя бы на один день. У Бога день может быть любой продолжительности.

С тех пор новое чувство сложилось. Ходил по Москве. Встречался с людьми и ситуациями. Не покидало ощущение, что меня это уже не касается, я живу уже в другом, ином, ином. Это уже все происходит без меня, не для меня. И еще появилось ощущение, что Москва, Россия будто сдуваются.

Как проколотый шарик, который становится все меньше и мягче, теряя очертания. Выходит воздух свободы из России. Все происходит по инерции. Основные события, изменившие жизнь в стране, уже произошли, но внешняя атрибутика прошлой жизни еще не рассосалась.

Затем это ощущение актуализировалось во время посещения здания на Пречистенке, 10, где сейчас находятся невнятные общественно-культурологические организации. А в со- роковых годах в этом здании заседал Антифашистский ев- рейский комитет, во главе с Соломоном Михоэлсом (наст. фамилия Вовси). В последствие убиты все члены комитета.

Я давно хотел понять, почувствовать изнутри переход страны от НЭПа к массовому террору. Как, мол, это выгля- дит, когда страна скатывается в кошмар массового смерто- убийства и эпидемии ненависти.

Вот ответ. Почти незаметен внешне. Но чудовищно быстр. Духовный раскол. Мы пожинаем плоды духовного раско- ла.

Видимо.

Я уехал в Германию. Приехал. И сразу сел за стол, ужи- нать. А ведь меня этот ублюдок из политической полиции предупреждал. Ну, что, мол, говорил он мне, ты уедешь, и, что ты там найдешь. Всюду тебя после обеда ждет ужин, обычный банальный ужин, каких и здесь хватает. Мол, мы и сами сообразим тебе ужин: в нашем изоляторе, знаешь, как кормят! Бесплатно и всегда во время, по нормативу, затвер-

женному еще в лучшие советские времена.

Спасибо! отвечаю! Я предпочитаю ужинать вне расписаний, или по собственному.

Чтобы не забыть! Надо постоянно напоминать себе о сути и цели своего отлета отсюда и прилета сюда, напоминать себе о причине моего отъезда из страны России в страну другую, все равно какую. Да, да, да!

Причина в том, что меня пытались завербовать в агенты политической полиции. Сотрудник политической полиции предложил мне сотрудничество, а первым заданием, по его мнению, был бы сбор информации об израильском посольстве, его сотрудниках, о содержании моих с ними разговорах. После моего отказа агент Сергей пригрозил мне обвинением в шпионаже в пользу Израиля.

После такого разговора я решил создать условия, которые могли бы мне позволить в каждый следующий момент уехать из России. Так как моя Хелена – немецкая православная (да-да!) еврейка (вот именно!), я решил уехать в Германию. Но поскольку мы до сих пор сожительствовали, будучи не венчаны и не женаты, то для начала нам надо было зарегистрировать светский брак. Вот я и приехал в Германию, получив въездную визу с формальной целью воссоединения семьи.

Это не первый мой приезд в Германию.

Но первый столь длительный. Поскольку женитьба, а затем получение постоянной визы займет около двух месяцев или всю оставшуюся жизнь. Есть возможность пожить внут-

ри страны, посмотреть, пощупать ее кишки.

Вот я и уехал. В пользу Германии. Из России.

В следующий раз уеду в пользу Израиля, может быть.

По дороге из аэропорта Дюссельдорфа, куда мы прилетели из Москвы, на ужин в Кёльн, где мы проживём этот день, я обращаю внимание на всё, что встречается по дороге.

По дороге мне встречается Германия, германская растительность, германские люди на полях, германские машины на дороге, германские облака в небе, германские заводы и германские заборы, земля германская, слова германские и жизнь вся германская.

Но это как раз всё не удивительно, ибо мы приехали ужинать в Германию. Впереди еще и германский стол, германский туалет, германский душ и постель, также вполне германские.

Удивительнее всего скорость. Точнее, ее отсутствие. В Германии нет скорости на дорогах, которые называются – автобаны. Точнее, нет ограничений на скорость. Никто не знает, с какой скоростью тебе надо ехать по германским дорогам/автобанам. Можешь – с какой хочешь. Можешь с бесконечной. Германские дороги влекут нас в бесконечность, то есть в безвременье. Строго говоря, автобаны – это не дороги, это прорыв в вечность. Изведанную вполне. Потому как здесь бывают аварии, которые случаются, когда человек переходит границы времени. Аварии тогда на этих автобанах ужасны по последствиям. От человека в машине и самой ма-

шины практически ничего не остается, кроме груды иско-реженного металла и смердящего трупа – все, что осталось от самонадеянного и сытого кудрявого германца по прозвищу Hans, который ехал на блядки к розовощекой, пышно-грудой и хладнокровной сексуальной германке по прозвищу Barbara. Не доехал. Точнее, переехал. Перешел, что точнее, границу времени, ушёл во вневремя и бесконечность.

Внешне жизнь в Германии протекает без толчков и при-шествий. Размеренность и покой. Сброс усталости и недо-вольства – на автобанах.

Сколько соберешь мужества, так и мчишься – нет иного слова: мужество. Германцы ведь любят быстро ездить, стало быть, они любят рисковать, то есть они любят жить. Герой! Любо и дорого смотреть. Загляденье! Картинка! Образец. И вот этот германский труп, весь такой из себя геройский – от члена и до раскатанной губы, учредил себе приз – вошёл в вечность. Вот там и оставайся милоч, миленочек. Не фига соблазнять девичьи сердца, предлагая умом дружбу, истекая сердцем похотью.

Ведь как пёр по крайней левой полосе. Надежная дорога, по имени автобан, надежная машина, по имени Porsche, на-дежный германец, по имени Hans, тот самый, что пытался соблазнить мою Хелену, еще в пору ее девичества, причем, не без заинтересованного участия ее родителей.

Уже вечереет. Уже время ужина. Уже и вечер. На моем месте Hans ты вел бы себя более сентиментально, но потерей

аппетита ты никогда не страдал.

Я всё понял. Автобаны в Германии – это модель геройской жизни.

В США, например, модель геройской жизни – это кино.

А в Германии модель геройской жизни – это автобаны.

То и другое геройство – эгоистично. Вот в этом соль западной цивилизации – даже геройство! исключительно для себя. Что невозможно, казалось бы, по природе этого слова, ибо герой – это человек, не щадящий себя ради других. Потребительский привкус западной цивилизации означает иное качество жизни даже в сокровенном: западный герой – это человек, который рискует собой ради собственного удовольствия.

Причем, геройство с немецким привкусом имеет хотя бы внешние признаки былого приличия и достоинства – все же рискуешь собственной жизнью.

Одним словом, прём, значит, мы по автобану из Дюссельдорфа в Кёльн. Не помню, в тот ли день, или какой иной приезд в Германию. Жизнь едина, одним словом.

Несмотря на оплаканную потерю, да, да, тебя, мой милый Hans. Но эта потеря и твоя будущая (или уже настоящая) смрадность, – не испортят мой аппетит и будущий ужин. Ты меня поймешь!

Сумрак опустился на германскую землю. Перед нами течет (по детски: «*текёт*») красная река, навстречу по левой стороне трассы белая река. Красную и белую реки разделяет

берег жизни. Реки никогда не пересекутся. Не дай бог, чтобы они пересеклись. Или затопили свой единственный берег. Их жизнь в параллельности и не пересекаемости, в отъединенности друг от друга.

Пафос? Пожалуйста, сколь угодно пафоса. Автобаны – это лицо страны. Стремительной, упорной и надежной. Германия – это единственная страна мира, где нет ограничений на скорость при движении по крайней левой полосе по шоссе вне города. Только государство с психически и физически полноценными, здоровыми и ответственными гражданами может себе позволить такую роскошь. Потому как на скорости более ста километров в час, тем более, свыше двухсот километров в час, справиться с машиной в случае ошибки, столкновения, аварии или поломки на ходу невозможно. То есть в массе своей немцы чрезвычайно сосредоточенные люди, умеющие сосредоточиваться на одной цели. Главное качество, позволяющее в массе открыть людям новую степень свободы – бесконечная скорость. Отсутствие ограничения на скорость – это также свидетельствует о государстве с укорененными демократическими институтами. Граждане коего имеют право на бесконечный выбор.

Умно. Скулы сводит.

По дороге, справа в стороне от трассы светится в темноте крест. Огромный, будто парящий над землей, – его основания растворены темнотой. Крест во тьме. И тьма расступается. И свет во тьме светит. И тьма свет не оборет.

Я еду и повторяю про себя, или может быть про тебя, что сила Бога не в любви, а в страдании. Страдании, что превосмогается любовью.

Доехали. Вот, кажется, садимся за стол. Поужинали. Разговоры, разговоры, до сна.

Еще два человека разделили нашу новую жизнь с будущим ребёнком, который живет под сердцем у Хелены. Слава Богу. До позднего вечера разговоры, разговоры. Сегодня родители Хелены узнали о нашей новой беременности. А за два дня до того мы сказали моему отцу о беременности. Во время прощания. И сделалось легче на душе.

Родители Хелены – солипсисты стихийные. Ветхозаветные люди. Бедняги убежденные. Кажется, недотепы. Но милы и человечны. В них есть то, чего я недополучил от своих родителей. Удерживает лишь недостаточная разница в возрасте.

Стоп! Не Хелены, а – Сарры.

Занятно. У Сарры размер ноги 36–37 (4–4,5), у ее мамы – 34–35, у бабушки – 33–34, у прабабушки – 32–33. У женщин рода Сарры со стороны матери, у всех, без исключения, огромные шишки у основания большого пальца ноги на ступне. Неудовлетворенная сексуальность?

031199. После сна я просыпаюсь утром. Ранним утром. Новое утро. Удивительное ощущение. Настал четверг. Обычный рабочий день. Бурная европейская весна. Ночью

минус два. Днем плюс. Рано утром в парке туман над низинами и лужайками. На дорожках парка одинокие люди с собаками. Фигуры мистически скрываются в тумане. Также внезапно появляются. Человек с головой погружается в пустоту, следом собака. Вот из тумана появилась одна лишь голова, которая некоторое время идет параллельно мне, потом исчезает навсегда.

Тишина. Полная и верная тишина. На лицах покой, уверенность и незлобивость. Такие же и собаки. Подавляющее число тех и других здоровы на вид, поджары и крепки, привлекательны.

Страна работает. Хотя и очень еще рано. Я чувствую напряжение утреннее. В воздухе ясность и целеустремленность.

Мирная внешне жизнь. Даже собаки мирны и миролюбивы, не агрессивны. Каким способом это достигается, не знаю.

В Германии собаки приучены к порядку. Срут германские собаки исключительно под деревьями или в кустах. А хозяева выводят собак гулять только в назначенные часы. Например, Hans выводил свою собаку всегда в один и тот же час, в 7.30 утром и вечером. Поскольку распорядок дня в Германии правильный и крепкий. И теперь собаку, которая принадлежала безвременному ушедшему в мир иной Hans (что это за мир – не очень ясно, ибо, отказавшись платить церковный налог, Hans вышел еще при жизни из церковной общины), выводит безликий Порядок, в привычное для собаки время.

Надо отметить, что германцы, в том числе, и Hans до позавчерашнего вечера, традиционно хорошо обучают собак. Особенно хорошо германские собаки справлялись со своими задачами по усмирению и умерщвлению славян и евреев в германских концлагерях во время второй мировой войны. Концлагери были во многих странах мира и в России. Но только германцы и Hans додумались использовать человеческую кожу, волосы, золотые коронки в бытовых целях, а пепел в сельскохозяйственных, на удобрения. Чтобы ничего не пропадало. Нация совершила коллективный грех. Страшный грех смертоубийства был возведен в почесть, долг и цель. Бог был из Германии изгнан.

В этом веке сатана трижды оборол немецкий народ: в образе германского имперского национализма – в 1914 году, в образе вселенского фашизма – в 1939 году (под лозунгом «*Deutschland über alles!*») («Германия превьшие всех!»), наконец, в образе вселенского потребления – в пятидесятые годы (под лозунгом – «*Du bist, was du hast!*») («Ты тот, что ты имеешь!»).

Поначалу Бог отравлен ипритом, потом угарным газом и Его останки доедены собаками, напоследок Бог в Германии был растерзан толпой и потреблен на сувениры.

Теперь/пока весна в Германии. Очень тихая и спокойная весна. Как и тогда, когда русские войска перешли границу германскую в 1945 году.

Итак, четверг. Представим себе, что я вновь со вчерашне-

го дня в Германии. Впервые мы уехали из России вместе с Хеленой и Двойрой. В Москве остались мои дети Ханна и Эстер, дети от бывшей жены.

Позавчера вечером перед отъездом, 9 марта, я прощался со старшими детьми, Эстер проплакала у меня весь вечер на животе. Кажется, мои досужие разговоры и не менее досужие мысли насчет отъезда из Москвы за границу лишены какого-либо смысла. Кажется, я не могу вдали и долго без детей. Их жизнь невозможна долго без меня рядом. На ближайшие годы. Иного не дано, кажется.

Утро незаметно переходит в день. В основном Кёльн населяют германцы и чёрные американские скворцы с желтыми клювами. И очень много некрасивых женщин – результат упорной работы и повсеместной целеустремленности и сосредоточенности германского народа. Видимо, нелегко вывести нацию, в которой преобладают некрасивые женщины, которые отличаются от мужчин только внешними формами и одеждой.

Германские женщины в большинстве нехороши собой. Но в большинстве стильно и со вкусом одеты. Крайне энергичны, в массе здоровы. У большинства широкая и размашистая, марширующая походка, как на параде. Мало красивых германок. Много стильных, прекрасно одетых, независимых манерой, разговором, поведением, но не гармоничных, а грубоватых. Многие германские женщины отвратительны. Многие, действительно, испорченно ходят. Смот-

реть на них во время их индивидуального марша без содрогания невозможно. Независимость лишает женщину внутренней гармонии. И тайны, именуемой во всем мире, – женственностью. Женская чрезмерная внешняя свобода – часто нехороша внутренне.

Переглянулся в парке с немкой, которая гуляет по городу с ребёнком в коляске. Русская мне бы ответила иначе. Не столь независимо, хотя и более таинственно. Хотя немка ответила определеннее.

Мы живем в районе четырех – пятиэтажных домов. Из таких домов состоит почти весь Кёльн. Все дома покрыты черепицей. Как и сто и двести лет назад. От этого дома не стали менее или более старомодными. От этого дома стали привлекательнее. И прочнее. Поскольку черепица долговечнее шифера или железа, выдерживает дольше. Хотя, возможно, черепица дороже.

Во дворе нашего дома подобие гаражей с замшелыми крышами. Перед окнами ряд огромных платанов, со свернувшись в трубочку пожухлыми коричневыми листьями.

Будний день. Много велосипедистов, в основном, молодые и не очень, женщины. На улицах, в магазинах практически нет гуляющих, празднующихся, неторопливых мужчин и женщин трудоспособного возраста. Всюду пожилые люди, либо мамы с детьми. Молодые и трудоспособные работают.

Я не был больше двух лет в Германии. Вот как мне тогда

увиделась страна.

«111596. В это сложно поверить мне самому, но сие так и есть. Я не спал три ночи подряд. Сегодня, вчера и позавчера. Не считая получаса и одного раза в два часа, в кабине, в кресле, уткнувшись в локти на столе. Как я это выдержал. Более того, я работал, сделал нечто, что никак не мог бы одолеть даже в спокойной ситуации.

Я, кажется, понял, что мне мешает, не позволяет писать в журнале. Я ничего не забыл, мне скучно писать на уровне социальной, информативной функции языка, Мне уже достаточно понимания схемы ситуации, а затем хочется уйти глубже с помощью языка прозы.

Собственно, практически все функции журналистские я осознал и прошел. Нужно дальше написать некую роль – под названием – „лучшее перо“, абсолютно холодно и рассудочно просчитать задачи и сформулировать объем требований информативного языка, не забывая, что и в такой роли – это все равно язык.

Сценарий, постановка, игра на многотысячную публику. Странно, кроме интереса к логике профессии и деньгам – ничего меня не интересует в работе. Хотя, здесь вполне есть возможности для решения каких-то гражданских или даже – возможно иногда – интеллектуальных задач.

Жена права. Немного больше юмора, не нужно раскладывать мир на два тона – черный и белый, не нужно требо-

вать не от себя максимального всегда, максимального на уровне трагедии.

После трех бессонных ночей и создания статьи, которая может всколыхнуть, или хотя бы подтолкнуть какие-то процессы, способные привести к усилению государства, строительству нового государства...

Так вот, после этих трех ночей, я сижу себе в самолете, лечу из Франкфурта в Кельн, разумеется, перед тем прилетев во Франкфурт из Москвы. По дороге из Москвы рядом со мной сидела двенадцатилетняя нимфетка, а сзади цвета ваксы негр с глумливым выражением лица и дергал волосы из ноздрей. Потом ему надоело это занятием, и он начал грызть ногти. Затем уперся глазами в милостивую бортпроводницу и затем уже заснул, почмокивая широким, не вмещающимся в рот языком. При этом его уши трепетали, как гнилые листья секвой. В самолете было душно, ногам тесно, и от кресла лучшей немецкой авиакомпания *Luftganza* пахло кислой капустой. В целом полет проходил нормально.

Никакой разницы. Все знакомо. Главное, здешние лица похожи на наши, столь заметны заметные, столь неочевидны тусклые. Так и у нас. Я был прав. Ощущение от Германии, будто ты дома, только все забыли мой язык, либо я стал глухонемым. Ужасное ощущение, Они такие же люди, но и я не слишком от них отличаюсь. А вот не понимаем друг друга. Никак.

Английский, и вообще другой язык – это не просто

язык – это новая жизнь, это возможность расширить свою жизнь, свои ощущения обогатить. Но есть свидетельство нового, более богатого времени, более полифоничной и структурно многообразной жизни. Язык – это открытость миру. Довольно соплей. Препятствие к изучению языка – не лень, не отсутствие времени и способностей, а закрытость жизни, которой мы жили долгие годы, десятилетия, столетия, наследуемая провинциальность и общинность крестьянской жизни недалеких предков, для которых мир был ограничен рекой рядом с деревней, далеким городом, в котором покупали сапоги и одежду.

Все же я дико провинциален, и дико зажат в этой своей провинциальности, отсюда и не светскость, отсюда видимая шероховатость в общении с людьми – от зажатости, от комплексов, которыми, кажется, набита не только моя башка, а и желудок.

Но раскрыть себя окружающему миру я должен и обязан, иного нет пути. Иначе смерть.

Православная церковь прожила долго в священной закрытости, в священной вере в возможность стяжать духа святого, вне знаний, вне культуры, вне ума, вне окружающего мира. В таком виде православие – это институт – нет, не враждебный миру, но и не способствующий его развитию.

В чем же сила православия...

Въезжаю в центре Кельна на автобусе по мосту. Стоп. Шалею раз и на всю жизнь. Кельнский собор в ночи, подсве-

чен вечерними огнями города – чувства одновременной радости и святости.

Людской обычный муравейник в метро. Жизнь кипит и через край плещется. Очень сильная динамика во всем и во всех.

Бомжи на ступеньках в метро – считают мелочь, все в порядке. Тот же мир – единый мир.

Могу предположить, что за этим внешним парадом, насыщенный правилами и условностями очень не простой, тяжелей для жизни мир. Люди в этом мире обязаны подчинять значительную часть своего существования обществу, общезнанию, знаний правил общежития. В этом смысле человек здесь менее свободен личностно, но сильнее общественно, когда он вписан в общественную среду.

Мне здесь нравится по атмосфере, по духу, хотя, кажется, очень сильно провинциально. Но все также шумливо, также серьезно, также трудно, такие же напряженные после работы лица.

Квартирка у девочки хороша. Удивительно все же гармоничное существо, совершенно адекватный мир себе создала. Здесь свободно и легко дышится. Славно и не напряженно. Зачем же этот мир рушить. Его надо укрепить и развить. Не надо его разрушать. Напротив. Не нужно толкать ее к возвращению. Напротив, ее нужно толкнуть к вхождению и утверждению в этом мире.

Мой первоначальный план: основа для дальнейшего разви-

тия. Зачем же от него отказываться.

Не хочу.

В этой квартирке хорошая медитация.

И, наконец, ей здесь нравится, она себя здесь чувствует естественно и, кажется, ей удастся не просто быть адекватной этому миру, но и найти подходу в глубину его, поддаться к его корням и найти свое место и свое изложение жизни здесь.

Вечером сходили – наконец-то – в немецкую народную баню. Нет никакого особенного возжеления смотреть на голую женщину в бане, напротив, это абсолютно нормальное состояние – совместное мытье. Собственно, я это понял еще и на примере своей семьи – теперь окончательно в этом убедился. Естественно – не стыдиться того, чего стыдиться не нужно.

Конечно, варварский обычай. Ходят немцы (кроме двух женских дней, когда во всех банях Германии могут мыться только женщины; при том, что мужских дней нет), трясут членами разных размеров, почти как в питерской Кунсткамере, и ходят немки и трясут грудями разных объемов. И всюду вагины, вагины, вагины, отовсюду на тебя смотрят сомкнутые или разверстые щели женские, смотрят пристально, не мигая. Смотрят на меня вагины, не мигая. Разнотравье женских вагин и мужских членов. Есть те и другие очень даже ничего.

Это и вполне демократичный обычай. Апофеоз немецкой

банной демократии: голая немецкая старая плоская обвисшая жопа с линялой и сморщенной кожей.

111696. *Очевидная мысль. Ты хочешь помочь своей стране? Да. Значит, нужно ее сделать более открытой и понятной окружающему миру. Это некоторая, а может быть, и основная мысль современного мира. Открытость и понятность. Быть вместе с миром – всегда было важно, сегодня в этом главная задача. Только так можно жить, без границ, без удручающей мир опасности.*

Какая жестокая несправедливость – обилие языков, разные народности.

При всей очевидности мысли. Работа по ее оживлению и реализации требует огромного напряжения всех сил человека. Причем, каждого, прежде – тебя самого.

После Москвы Кельн – провинциальный, тихий городок, где можно расслабиться, и уже не очень пугаться потерять что-либо из чего-либо.

Но и здесь меня принимают за своего.

Самое сильное впечатление – Лев Копелев. Писатель, философ. В год платит 40 марок, чтобы его телефона не было ни в одном справочнике.

Этот человек – моя мечта, всюду дома, всюду гражданин. Он дружил с Виктором Некрасовым, да и выросли они в одном городе – Киеве. А перед самым отъездом из СССР в 1980 году, он жил в Москве. А еще раньше отсидел 10 лет

в шарашке сталинской. Он дружит с Еленой Боннэр. Он в Кельне, его дети и внуки – в Германии, Швеции, США, России, всюду. Он мыслит мир – как единое и неразрывное целое.

Совершенно седой, старик, пергаментная кожа лица и рук, крепкое и свежее рукопожатие – очень похоже на рукопожатие поэта Ивана Межирова – такое же стремительное, неожиданно крепкое и по стилю мальчишеское, а по вере великодушное. Нездоров, точнее, недостаточно силен, но совершенно здоров, Жаль, быстро утомляется, можно было бы говорить часами, но через два часа разговора он очень устал.

Его дом на краю по-немецки ухоженного леса. В окно на втором этаже лезут ветви деревьев. На стенах портреты друзей, показалось, ближе к нам – портрет Фаины Раневской, автопортрет Виктора Некрасова, Высоцкий в спектакле, снимок Галича с дарственной, на двери предвыборный портрет Сергея Ковалева, с которым они сходны в главном – политика может быть нравственной, и когда-то, как утверждает Копелев, совершенно обосновательно, и была.

Он совсем не один, его окружают близкие ему люди. Это – здорово, такая старость, такое счастье в сердце. Его любят, он любит, он прожил трудную, но исполненную труда созидательного жизнь.

Марина, секретарь Копелева, говорит, что его автограф стоит очень дорого на рынке раритетов, один бизнесмен молодой прислал письмо с семью фотографиями Копелева

и просил подписать, якобы для друзей, потом выяснилось, что для продажи. Постоянно приходят конверты с фотографиями и одной маркой, просят автограф и просят отправить адресату.

Немцы его любят за то, что он может говорить о них хорошее тогда, когда они лишены такой возможности, например, в разговоре об антисемитизме.

Его первая и, может быть лучшая книга о войне, „Хранить вечно“ – о бесчинствах русских в Восточной Пруссии в конце войны.

Номер его дома 41, район Zulz, аристократический район, непосредственно примыкающий к району Университету, дом на краю леса, на краю леса табличка – „Осторожно, птицы“, с изображением парящего коршуна.

Он вполне обеспечен, квартиру купил, у него были большие гонорары.

Совсем недавно вышли две книги – „Мы жили в Кельне“ и о его жизни в „шарашке“ после войны, когда за „буржуазный гуманизм к врагу“ Копелева посадили на десять лет. Книжки раскупаются, любая продавица самого захудалого магазинчика книжного знает имя Копелева, стоит спросить – „есть ли у вас Копелев“, в ответ неизменное – „о, ја“, и обязательно пойдет вынет с полки, на которой Набоков, Миллер, Маркес, кое-где Буковский, книгу Копелева.

Его новый издательский проект – очень дорогой для рядового читателя, цена одного тома переваливает за сто ма-

рок, сейчас готовится к изданию карманный вариант, более дешевое издание для всех.

Гражданин мира – это когда ты свой всюду.

Намоленное место, у так называемой „Украшенной Мадонны“ в Дот, главном католическом храме Кельна. Небольшая скульптура Богородицы размером с куклу и с ребенком на руках, в белом платье невесты, в коронке и обвешенная по периметру многочисленными дарами, крестами, кольцами, серьгами, видимо, от получивших чудотворную помощь от молитвы. Голоса миллионов с мольбами, просьбами и угрозами, слышишь, стоит закрыть глаза. Волна любви и боли поднимает тебя над землей. Я поставил свечи, такие маленькие пластмассовые прозрачные плошечки, наполненные парафином с ломким фитилем посередине. Зажег, поставил, закрыл глаза и услышал хор голосов. Я последним ушел из собора, там никого более не оставалось. Величественное зрелище, древние стены и древние потолки, древний собор. Прекрасные и простые звуки органа, золото икон. Темно, вечерняя молитва, сумрак покрыл плечи и лица, углы смягчены тьмой, воздух дышит молитвой. Люди думают о святой участи или просто возвышенном, думают о близких и любви к ним, о самом заветном молят и ищут защиты от страхов земных и неземных.

А на площади перед собором цветным мелом исполненный портрет Бетховена, люди обходят стороной, не хотят наступать на лицо гения, даже в его нарисованном одноднев-

ном варианте.

Гул, движение, рождественская елка в огнях, торговля дурацкими колпаками в каком-то переулке, суета и говор, радость встреч и просто веселье – ночной Кельн, и многочисленные кабачки и Рейн, сумасшедшее течение, шум воды, набережная пустынная, огни, редкие велосипедисты. Ночной Кельн в центре – один простой и прекрасный в безыскусности аттракцион. Это прекрасная жизнь, без которой тяжёлые будни кажутся неоправданно тяжёлыми и непонятно откуда и зачем пришедшими в мою жизнь.

Я стоял на берегу Рейна и смотрел вглубь и вдаль, когда на обратной стороне Рейна вспыхнул огонь и столь же резко погас – кто-то сфотографировал с той стороны меня и этот берег, но ничего на снимке не будет видно, кроме человека перед объективом, а темноту за ним уже никто и никогда не расшифрует, и лишь я знаю, что кроется за спиной героя.

Встретили в баре, где был один сплошной джаз, встретили пару – она Татьяна, он Бруно, из Баварии, из под Мюнхена, она из Санкт-Петербурга, пять лет замужем за полицейским, который скоро едет на полгода служить в составе миротворческих сил в бывшую Югославию. Он там будет не военным, а полицейским, причем, без оружия, смотреть за порядком, заработная плата в два раза выше, сам вызвался и прошел небольшой конкурс. Слегка врун, когда я рассказал о проститутках, которых в Югославии подвозят к

военным городкам в день заработной платы, он заговорил о какой-то хуйне – типа, что посылают туда тех, которые женаты, будто бы женатому не хочется еще сильнее. Любопытно, их при подготовке предупреждают – берите с собой фотографии жены, желательной обнаженной жены, чтобы можно было под одеялом заняться онанизмом, глядя на жену и ее вагину.

Она бойкая и живая. Слегка косая в глазах, маленькая ведьмочка.

Ах, как мне понятны немцы, как понятны мотивы того и другого человека, это совершенно русские лица, одна реакция на одни и те же события.

И жизнь, конечно, и здесь не сахар. Утром и вечером переполненные трамваи, люди едут с работы и на работу. Обычные лица обычных людей, возвращающихся домой после трудового дня, после тяжелого труда ради хлеба насущного. Хлеб в Германии нелёгок. Как и во всём мире. Но в Германии общество устроено разумнее, нежели во многих иных местах. А люди работают еще интенсивнее, нежели в России.

111796. Были в Бонне. Встретили случайно на вокзале внука Копелева и его барышню – очаровательное создание с не очень хорошими манерами, он начитан, кажется, образован, тверд в убеждениях, но пока еще не в формулировках, немного говорлив.

Погуляли по Бонну, небольшой, простой и провинциальный городок, какая-то игрушечная или даже декоративная столица – в смысле декорация из балета на тему: воссоединение немцев; мэрия, с балкона которой выступал Горбачев, когда говорил о величии момента – воссоединении двух Германий, университет, в котором учились Маркс и Ницше. Оказывается, по берегам Рейна, в окрестностях и самом Бонне, доживают отпущенный срок в специальных виллах богатые сумасшедшие старики, город умирающих сумасшедших.

Затем посидели в частном испанском ресторанчике, хозяин подавал, говорил-говорил, делал комплименты, хорошее молодое испанское красное вино, суп с почками, креветки в кляре – это уже обычное.

Испанский ресторанчик находился в турецком квартале, оказывается, после второй мировой войны, чтобы ускорить восстановление экономики, немцы пригласили огромное количество турков в страну, им давали гражданство, по некоторым прикидкам их теперь около десяти миллионов, а всего в Германии после воссоединения – восемьдесят четыре миллиона человек – вторая страна в Европе после России.

Потом опоздали на трамвай и ждали в каком-то кафе последнего поезда, уехали только в два ночи.

Я, наверное, испуган. Мир, в который я хочу войти, требует от меня предельно большого, а я сейчас не готов к новому уровню точности, причем, не только в изложении,

но и в восприятии. Уметь выстраивать мир не после, а до его завершения – это работа, которая требуется от меня. Только ночью понял, что отличает проповеди и заключения архимандрита Иоанна (Крестьянкина) от моих высказываний, моих умозаключений. Нечеловеческая точность. Он – старец, он достиг нечеловеческой точности в искусстве построения мысли, но зримо, точность – это прежде всего стиль, стало быть он нечеловечески стилиен. Источник этого стиля – человек, внутренняя духовная работа; в его проповедях нечеловеческая, хотя и формализованная, красота мысли. Это такая же реальность, как и все остальное, что его окружает.

Бог – это стиль.

Архимандрит Иоанн, ты прав, но и одновременно нет, у меня другая стилистика жизни, у меня другое качество точности. Я не менее точен, не менее стилиен буду к концу жизни, но я – это не ты. А ребенка мы родим, да не одного, и мой выбор в том, чтобы родить детей, а не только одного ребенка.

Нельзя ради общих мест отвергать человека, даже, если это общее место – вера в Бога.

Одно поколение – это поколение: Александр Солженицын, Виктор Некрасов, Лев Копелев, архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Разные судьбы, разные люди, одна цель – единство мира, высокий стиль мысли, слова и дела, ГЛОБАЛИЗМ МЫШ-

ЛЕНИЯ. *Разными путями, они приходят к одному – единство мира неизбежно, ибо только сам человек себя способен спасти, только сам человек способен найти себя в этом чудовищном хаосе, определить свой стиль, уточнить стиль мысли и жизни, и понести свое богатство человечеству.*

Жизнь удалась – каждый из них способен сказать про себя: основание тому – стиль, точность, последовательность.

111896. *Я застрял в аэропорту Франкфурта-на-Майне. Снег залепил окна самолета. Как все препятствовало прилету сюда, так все препятствует отлету.*

Не может этого быть. Нельзя рубить по живому. Девочка моя умирает. Никакая самая сильная и правдивая идеология не может противостоять личности; индивидуализм или общинность – вот что схлестнулось в моем случае, на моем примере очень хорошо видно, как я сопротивляюсь общинности, коллективу. Я против коллективизма, против примата общего над частным. И, видимо, все же я оставлю нынешнюю жену – но не детей, воистину.

И это есть общее место – „вор и тать только потому, что полюбил, только потому, что занимался любовью“. Но я не изменял, я просто не занимался любовью с женой. Отец Иоанн прав с точки зрения высокого стиля, который никакого отношения не имеет к реальной жизни – это стиль веры, но не жизни.

„Благословляю! На подвиг жизни в Боге“. – Что он имел в виду? Подвиг ли это – преодолеть страсть? Это нечто схожее с убийством человека, который тебе не угрожал, но которого ты убил в профилактических целях. Это не подвиг расстаться с женой – это убийство. Но и советы Феофана по поводу того, что, мол, с целью преодоления страсти, надо искать в предмете страсти плохие качества – это просто плебейство, недостойное. Увы-увы, ах, часто, церковь – это лишь люди, причем, часто слабые люди, маленькие, с их маленьким представлением о мире и жизни человеческой.

Нет. Я буду искать вариант, который бы не заканчивался убийством натуры.

111996. *Да, я сказал отцу Иоанну (Крестьянкину), что я не хочу бросать жену, но и жить так с ней хочу. Она меня не любит, я ее не люблю».*

Страна стала еще напряженнее работать. Больше американизированных лиц. Люди, как правило, в добротной одежде. Преобладают здоровые лица. Редко встречаются разочарованные и удрученные жизнью люди. Столь редко, что они сразу видны.

Германия работает как единый, отлаженный механизм. Целеустремленность и сосредоточенность разлиты в воздухе. Общее впечатление целесообразности и ясности жизни, уверенности во всем, на всех. Но люди сами по себе. За

неожиданную услугу или любезность бурно и удивленно благодарят.

Поражает/подражает сосредоточенность на работе. Чиновники в местной районной управе, строительный рабочий на улице, продавцы в магазине – все заняты, собранность в лицах и жестах.

Страна работает столь же напряженно, как и экономит. Счетчики на батареях, на кранах, отсутствие фонарей и наличие видео и фотокамер на автострадах-автобанах и на маленьких улицах в городах. Счетчики и немцы – вот секрет успеха Германии. Немцы и счетчики работают очень интенсивно. И эффективно. В магазинах, учреждениях, ресторанах, в церкви и дома. Счетчики и немцы, постоянно заняты. Все при деле, все на месте. Бесцельно шатающихся нет. Бесцельно шатаются бродяги, эмигранты и туристы.

Секрет успеха Германии, ее мощи и нарастающего влияния в мире – исключительное умение и успехи в создании системы общественной занятости. Почти социалистической по результатам. Нация занята, все пристроены, все при деле, все немцы и счетчики на своем месте.

Очень важно создать систему общественной занятости. Убедить нацию, каждого отдельного человека в его необходимости для общества, в предназначенности и предопределенности его судьбы, в том, что на него есть спрос, в том, что его не оставят без внимания.

Мы идем почти час вдоль оживленной автотрассы. И по-

сле выясняем, что ни на ботинках, ни на воротничке белой рубашки практически нет пыли. В том числе и потому, что земля в городе залита асфальтом. Практически нет свободной от асфальта или бетона земли. Германия очень интенсивная страна. Разработан почти каждый клочок земли, территории. Очень чисто. Неприлично чисто.

Меня многое в Германии не удивляет. Но социалистическая осмысленность народного самосознания, вкупе со свежим воротом белой рубашки и чистыми ботинками, после нескольких часов проведенных в городе, – восхищают.

Наверное, немцы когда-нибудь сумеют сделать так, что и собачьи испражнения либо вовсе не будут пахнуть, либо по желанию – чередой, яблоком или лавандой, прелыми листьями, свежей травой, землей, пивом, наконец.

Но это дело недалекого немецкого будущего, которое уже сейчас, в настоящем, ходит на прогулки со своей собачкой с мешочком и совочком, чтобы собирать собачье говно. Впечатление такое, что и земля участвует в поддержании немецкой всеохватывающей чистоты и порядка, скорее обычного перерабатывая незамеченные в траве случайные испражнения. Все при деле. Разумность жизни. Может быть, это самое сильное впечатление. Ритмично, ясно работающий механизм общественной жизни. Практически нет празднующихся. Настроение осмысленности в воздухе.

«*Du bist, was du hast!*» – девиз, принцип, выдвинутый, сформулированный в пятидесятые годы в Германии, – один

из основных принципов западной цивилизации. С этого принципа началось созидание современного потребительского общества внутри западной цивилизации. С этого девиза началась западная цивилизация в её современном виде. Этот принцип стал основным стимулом общественного развития для западных народов во второй половине двадцатого столетия. И стимулом для индивидуального обогащения и карьеры – как основных ценностей человеческой жизни. И теперь в западном мире общественное и даже личностное положение гражданина определяется прежде всего имущественным цензом. Что ты имеешь, тот ты и есть.

Нет покупки – нет человека, ибо *«du bist, was du hast!»* – *«ты тот, что имеешь»!* Основной принцип потребительской цивилизации. Не имеешь ничего – ты ничто, ты не человек. Магазин – это храм для западного человека. Храм западной демократии. В магазин западный человек приходит приобщиться к западной культуре, к западному сознанию, к западному образу жизни, к западной демократии. Совершенные покупки – это молитва.

Но что это? Возможно, это я вижу во сне, вновь и вновь, омерзительную картину. В магазине, огромном фирменном и дорогом, в центре города, на этаже с женским бельем, противного вида барышня толкает перед собой детскую коляску с двумя собачками. Собачки лежат будто дети, положив морды на бортик коляски. И равнодушно смотрят на окружающих. Лишенка останавливается, вокруг нее собирается

небольшая кучка умиляющихся баб, оживленно сюсюкающих с тупыми собачками. Картина вызывает физическую тошноту. Рвоту. И вызвала. Мне пришлось отвернуться.

А на первом этаже великолепный магазин косметики. Стихия разумной красоты. Внутри по магазину ходит гей. Удивительный, красивый гей. Мужчина играющий женщину. Высокий, костистый мальчик, сутулый, с тонкой шеей, умопомрачительно привлекательный в своей истошной порочности. От этого искусственного лица партнера-партнерши невозможно оторвать взгляд. И нельзя не восхититься функциональности ума, выдумавшего это лицо в этом магазине.

Но как же мерзок одновременно западный человек в магазине. Как мерзко западный человек делает покупки в магазинах. Как он себя любит, как он любит себя собой в зеркале на стене, как он великодушен в разговоре с продавщицей, как он пристрастен в выборе товара, как он бесстыден в потребительском снобизме. Я испытываю чувство неловкости, находясь в магазине рядом с западным человеком, когда тот совершает покупки. Все равно, как если бы я застал человека в момент мастурбации, или испражнения. Западный человек в магазине не просто совершает покупку. Совершение покупки – это священнодействие, магия жизни, основная магия западной жизни, массовый всеобщий ритуал западной потребительской цивилизации.

В таком мире духовное начало отступило на второй план.

На первый выступило материальное счастье. То есть, деньги.

В основе нынешней западной цивилизации – деньги. На детских трусиках и маечках изображения героев мультфильмов, которые принесли наибольшее количество денег. На плакате, агитирующем потенциальных зрителей посмотреть этот мультфильм, в качестве основного аргумента – денежная сумма, собранная за время показов.

Логика убогая, но стройная – много денег – это много зрителей, много зрителей – это хорошо, то есть, стань одним из них.

Деньги – шаблон и мерило, аргумент качества, аргумент успеха, деньги – как аргумент развития, то есть, деньги – как аргумент продолжения рода.

Но поскольку – природа денег сатанинская, значит, основа современного западного потребительского мира сатанинская.

И пройдет время, и настанет день, когда германцы скажут друг другу и своим нравственным и политическим авторитетам, – а дальше что?! Потому что германцы почувствуют себя обманутыми. Кроме, разве что Hans, который уже никогда ничего не скажет и не почувствует.

У германцев есть всё – дома, машины, одежда и еда, деньги, которые позволяют путешествовать и приобретать. Но что же дальше? Новые приобретения? В чем выражается тот высший статус, к которому надо стремиться на Земле, в соответствии с принципом – «*Du bist, was du hast!*». Где мера

той власти стремления?! Власти предмета? Нет такой меры. Есть расплата – одиночество, жестокость друг к другу, псевдожертвенность и массовый эгоцентризм. Германцы почувствуют себя обманутыми.

И останется всего один шаг до революции. Германцы уже близки к этому пределу. Германские политики и власть имущие это чувствуют. И потому они принимают деятельное участие в изобретении игрушек – шенгенское пространство, Европейское сообщество, НАТО, ограниченный суверенитет, европейская валюта. Но самая лучшая игрушка конца столетия, оттянувшая проблему внутригерманской склоки – объединение Германий. Горбачев спас или отодвинул грань нового общественного сумасшествия германцев. Или придвинул?

За это германцы ему и благодарны. Именно за это. Хотя в своем большинстве они этого и не понимают, не понимают истинной причины своей благодарности.

А теперь?! Какой теперь лозунг? Ведь народу, стране нужны лозунги, мотивирующие, толкающие на подвиги и развитие. Собственно, этот лозунг есть в заглавнике немецкой истории – «*Deutscheüberalles*». Под этим лозунгом германцы уже дважды засирали планету в двадцатом столетии: в 1914–1918 гг. и в 1939–1945 гг.

Впрочем, это проблема вкуса: превратиться в навоз из состояния комфортности и богатства, или перейти в состояние навоза и небытия из

крайней нищеты и бедности, умереть сытым, извращенно сытым или тупо голодным. Оставим обсуждение вопроса вкуса в такой трактовке. Ибо только голод совершенно точно не делает человека ближе к небесам и дальше от навоза.

Жизнь западного человека превращена в обслуживание себя. Удобство и комфорт западной цивилизации не от любви к ближнему, а от любви к себе. В чем смысл жизни рядового немца? Кажется, только один – устроиться. И не только рядового, и не только немца. Обернитесь вокруг, посмотрите на себя – не про вас ли это?!

Будь необходимость, я мог бы каждый день снимать телевизионные репортажи, показывающие мерзость западного мира, прикрытого лишь декоративным фасадом благодушия, прикрывающего рвачество и постоянную борьбу за деньги.

Запад – это одна большая потемкинская деревня. Запад живет в состоянии потребительской похоти, истекая потребительской слюной.

Мерзкий западный мир.

Зачем же я решил сюда уехать? Или еще не решил?

Очень много в окружающей действительности функциональных лиц. Лиц, создаваемых под общественную функцию. Таких лиц в Германии стало больше. Значительно больше. За минувшие два с половиной года, после моего последнего посещения Германии.

Идеальная структура общества: общество, состоящее из

функциональных людей, предназначенных и идеально подогнанных под одну функцию. Исключительно и непременно – единственную. И в этой функциональности они очень одиноки. Хотя и независимы. Одиночества и независимости стало больше в Германии. За независимость люди платят одиночеством. Одиночество ведет к вынужденной независимости.

По брусчатой площади проходит седая барышня в белой, даже сверкающей одежде. Несмотря на рабочий день, она ослепительно и богато одета, подчеркнута богато. Она тщательно ухожена, подчеркнута свежа и чиста, стильна, насколько позволяет возраст. И вызывающе и ужасно одинока. Печально и горько одинока. В такое время? Так одета? Куда она идет? В никуда! Это и есть главная нынешняя трагедия германского народа!

По такому пути идет западная цивилизация. Такими людьми легко и просто управлять, манипулировать. Да и не люди то, а приделки, части огромного механизма.

Немцы, кельнцы, за время прошедшее после моего предыдущего визита в Германию, стали менее провинциальны. Шенгенское соглашение, общая экономика – дают себя знать, Германия становится центром Европы, главной страной Европы, перестает быть политической провинцией мира. Избавляется от статуса побежденной/порабощенной страны.

Глобализм – это интернационализм. Страна пузырится от иностранцев, страна становится великой державой – вот это

и есть первый признак великодержавности.

Но и все поднадзорно. Жизнь в Германии сильно регламентирована. Это свойство немецкой жизни имеет и свои отрицательные стороны. Положительные свойства очевидны – эффективная экономика и высокое благосостояние, демократическое общественное устройство и высокий статус личности в обществе.

Но если ты делаешь в Германии что-то, чего не делают все остальные, и это будет очень заметно, это будет выпирать, на это будут оглядываться и внутренне осуждать, то ты станешь здесь изгоем. Собственно, тогда у тебя будут здесь четыре пути – стать сумасшедшим, стать монахом, стать гением, стать бродягой.

Кстати, единственное место в Кёльне, где просят милостыню, это собор Святого Петра и Богородицы, Dom, как по немецкой традиции называется главный городской собор. На выходе из собора нищие. Это не совсем профессиональные нищие России, это – профессиональные бродяги. И, может быть они все ближе к Богу, нежели я, думающий о нем непрерывно.

Громада храма появляется из-за угла моей души. Темные, пропитанные временем стены. Но зрительно собор почему-то меньше, нежели прежде. Внутри тихо, нет экскурсий, будний день – нет людей. Величественная тишина. Нет. Из рта идет пар при усиленном дыхании. Холодно в храме. Дышится легко. Когда я шел по осевой к алтарю, защемило

сердце. Впереди, в глубине храма, за алтарем, гробница золотая с мощами трех царей волхвов. Мерцает сиянием времени, величием любви и поклонением святыне. Боже! Боже! Они приветствовали рождение Господа среди людей! А я готовлюсь приветствовать воскресение Господа среди людей! Кстати, на гербе Кельна (по форме рыцарского щита), в верхней половине на красном фоне три золотые короны (три царя волхвов), в нижней – на белом фоне одиннадцать капель дождя.

И я вижу плач Сарры. На фоне трепетания душ, вознесенных к Богу. Может быть она плачет по потерянному отцу, или по еще одной улетучившейся иллюзии. Или приобретенной.

Очень сильное молитвенное поле в Dom. Основа этой силы – мощи волхвов, возвестивших миру о рождении Христа, и, собственно, уберегшие для мира младенца Иисуса. Я молился. Просто и замечательно. И просил указать мне мое назначение и мой путь на следующий год, и подвести итоги года минувшего. Конечно, – это любовь. Всегда. Этому посвящена моя жизнь и моя литература. Этому я учусь и учу людей.

Так вот в этом самом большом католическом соборе Европы, женщины с непокрытыми головами. И это никакое не святотатство. Это означает, что человеческое выше церковных регламентов. Потому как регламенты придумывают люди.

И оттого, что эти люди ждут Пасху лишь из-за пасхальной распродажи, и три раза в день едят мясо. От всего от этого эти люди не лишаются сакрального откровения, благодати душевной, оттого, что они едят три раза в день мясо.

Вовсе нет!

Ясная солнечная погода рассасывает мысли и чувства. Это было сегодня. Сегодня над всей Германией безоблачное небо. Вечером были в пригороде Кёльна, в районе огромных магазинов, специализированных и универсальных.

В немецком огромном магазине самое привлекательное – национальные одежды и невероятный подбор продуктов – сыры, йогурты немислимых комбинаций, вина. Даже красное крымское шампанское, которое, оказывается, котируется на уровне лучших сортов французских шампанских, по такой же примерно цене. Невероятный, фантастический подбор сыров со всего света. Больше всего немецких и швейцарских сыров. Десятки, или даже сотни сортов.

В таких магазинах публику охватывает азарт покупательский. Мещанский азарт, вытесняющий духовные потребности. Навсегда.

Но духовных лиц здесь мало, больше сиюминутных, ослепленных сиюминутными заботами. Не несущих на себе печати высшего вдохновения. Все очень заняты. Сбором собачьего дерьма на дорожках парка, поддержанием собственного здоровья, или покупками в дешевых магазинах, которые находятся напротив или рядом с дорогими. Конечно,

причиной тому и повсеместный, всепожирающий комфорт. Но и не только. А знаю. Еще демократия.

Германия – демократическая страна. Много комиссионных магазинов с подержанной, но прекрасной мебелью, одеждой, обувью, внешне и по качеству не уступающей новой. Во всем сумасшедший демократизм. Рядом с дорогим магазином непременно не дорогой. Непременно. Знак времени. Свобода прежде всего. И выбор. И право на все. Разумность во всем. Прекрасные машины после года эксплуатации стоят в два раза дешевле.

Функциональный демократический социализм по-немецки в людях, обществе, производстве и жизни.

Демократия в Германии – на уровне костного мозга гражданина. Демократизм в Германии – способ существования, а не принцип.

Во всем. Даже в смерти. После второй мировой войны в Германии уничтожены все крематории. Не только в концлагерях, но и гражданские колумбарии при кладбищах. Желающих кремируют в Голландии. В Германии это невозможно.

031299. Сегодня мы в Аахене. Семь веков, с десятого по шестнадцатый, в этом городе короновали немецких королей. С тринадцатого века коронавание происходило в главном городском соборе, который также как и кельнский, называется Dom. Намоленное место. Сильное. Благодное. Дух и сила Германии в воздухе. Я помолился.

В Германии много древностей, много, хорошо и старательно сохранных древностей. Но лучше бы их не сохранилось. Ибо оказывается, что в 15–16 веках Германия была довольно скучной страной, которая находилась на окраине культурного, политического и просветительского движений Европы. Особенно в сравнении с Италией, которая в это же время имела Рафаэля, Микеланджело и Леонардо да Винчи. В Европе настала эра Возрождения. Но не в Германии.

Мы зашли в местный музейчик древностей, что-то типа лавки древностей, или лавки старьевщика. Много без тени юмора, без умственного блеска, но лишь со старательной, болезненной тщательностью исполненных, вещи, картины, иконы, носильные или обрядовые ценности, всякая другая тупая золотая чепуха.

Например, золотая огромная рука – олицетворение руки короля Карла Великого, которой водит рука Бога. Ха-ха-ха. А вот и придурковатого вида золотая башка Карла. И изъеденная временем и мышами мантия для коронавания!

И что?! И все! Ума, изобретательности и юмора – ни на йоту. Нет вовсе. Только самодовольство и снобизм, и гордыня. Еще тщательность и старательность – вот и всё.

А вот еще что. Это тот самый самодовольный Карл Великий, который в этом самом Аахене в 809 году собрал Собор западных иерархов с одной только целью – изменить Никейский символ веры (принятый на двух Вселенских соборах: разработанный в Никее в 325 году, и утвержденный в окон-

чательном виде в Константинополе в 381 году), и настоял на изменении восьмого члена Символа веры – «И в Духа Святаго, Господа Животворящего, **иже от Отца исходящего**, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки...», в следующей редакции – «И в Духа Святаго, Господа Животворящего, **иже от Отца и Сына исходящего**, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки...».

Так появилась проблема филиокве – основная богословская проблема в отношениях между западным и восточным христианством.

Карл – так называемый «Великий» – один из самых отвратительных земных правителей, ввергший сотни миллионов людей на протяжении уже почти тысячелетия в ересь и сомнение, способствовавший разделению единой Христовой Церкви на две – Восточную и Западную, и единого европейского христианского человечества на два – собственно Европу и Россию. Жалкий и самонадеянный глупец.

Я сидел у Aachener Dom у пытался понять основания и силы, сподвигшие Карла Великого на сознательное решение, разрушившее единый европейский мир.

И не понимал.

В этом самом месте, в девятом веке Карл Великий внес филиокву в Символ веры. Спустя полтора столетия папа узаконил филиокву в Символе веры, и христианство раскололось окончательно – на православие («И в Духа Святаго, Гос-

пода Животворящего, **иже от Отца исходящего**, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки...») и католицизм («И в Духа Святаго, Господа Животворящего, **иже от Отца и Сына исходящего**, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки...»), на восточное и западное христианство.

Семя сомнения, лукавства и смущения было зарыто. И проросло. Учение об исхождении Святого Духа не от отца только, но и от Сына, – так называемая Иопаторская ересь, – обозначенное испанскими богословами еще в шестом веке утвердилось окончательно в Западной церкви в 1014 году по настоянию германского же императора Генриха I, после утверждения папой Венедиктом VIII новой редакции символа веры.

Я пил сладковатый Creambergen, сваренный впервые францисканскими местными монахами в четырнадцатом веке, и не понимал.

Тогда я решительно встал и вернулся в Aachener Dom, где встал по осевой перед алтарем и прочел, едва слышно, как пророчица Анна мать пророка Самуила, голосом слышным только в сердце, правильный/православный Символ веры – «И в Духа Святаго, Господа Животворящего, **иже от Отца исходящего**, иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки...».

И попросил простить надменного Карла Великого и его потомков. И дать нам сил, чтобы воссоединить христиан-

СТВО.

Я вновь помолился в Aachener Dom.

Чрезвычайная сосредоточенность и ответственность – вот что такое немцы, вот в чем секрет силы и активности Германии, ее умения возрождаться из боли, страданий, разрухи и падения.

Сейчас Германия фантастически сильная и динамичная страна. Я никак не могу ухватить, почувствовать основания, на которых держится эта сила. Я не понимаю эту силу. Может быть меня подавляет эта сила. И мне чрезвычайно симпатична эта сила, потому как сила эта глубинно демократична. Надеюсь.

После Аахена мы направились в Drielandenpunt, – место, где сходятся три границы – Бельгии, Голландии и Германии.

К точке трех границ мы ехали через Голландию. Аахен на границе с Голландией. Зримой, материальной границы между Германией и Голландией уже нет. Так было в Советском Союзе, при переезде из России в Украину, или Латвию, ну, и т. д. То есть чувство довольно привычное. Понятное.

Нет там, – видимо, и не было никогда – колючих проволок, обозначенных границ и прочей шелухи. Вот в таком девственном состоянии находилась и Россия по отношению к другим странам Европы до нашествия большевиков в 1917 году.

Первый голландский город Ваал встречает нас голыми обстриженными деревьями вдоль трассы, двухэтажными доми-

ками, сочленёнными в жилые стены с обеих сторон дороги, многочисленными частными коттеджами с окнами без занавесок; в одном из таких окон мамаша тащит ребёнка, охватив его за задницу, в другом белые руки вешают бельё, в третьем лощёный голландец пытается разговаривать с собакой на голландском метаязыке. Голландская действительность за окном.

А за оградой по небольшому полю пытается скакать голландская стреноженная пегая лошадка. Она смотрит в глаза проезжающим водителям и их пассажирам. Ничего не говорит.

031399. Мы в Бонне. В Национальный музей привезли коллекцию ватиканской Пинакотеки. Картины, скульптуры эпохи Возрождения, 14–16 вв.

Европейская, западная цивилизация поражает способностью и желанием сохранять историю, следы и достижения истории, продукты человеческой деятельности.

Вырезаны и сохранены фрески Рафаэля, бывшие в приемных палатах папы в Риме.

Вряд – ли это сильнее Андрея Рублева. Но Андрея Рублева Россия почти не сохранила, а Европа сохранила Рафаэля. Поэтому Рублева как бы и нет, а Рафаэль как бы и есть. Рублев – факт истории и почти миф, недоступный современному человеку. А Рафаэль – факт современного сознания, доступный исследователю и неискушенному зрителю.

Необычное совпадение. Менее двух недель назад мы были в том месте, где сохранились вживую росписи Андрея Рублева.

030199. Вчера, 28 февраля, великий день. Был у отца в санатории в Звенигороде. Свел его в Савва-Сторожевский монастырь. Уговорил его. И он впервые в жизни исповедался.

Впервые! Это не была полноценная исповедь. Но это – начало возвращения отца к Богу. Жизнь воссозданная и реальная совмещаются. Священник, который исповедывал, принял исповедь после исполнения молебна преподобному Савве Сторожевскому, перед его мощами, которые были переданы монастырю несколько месяцев назад.

На территории монастыря находится дворец первой жены царя Алексея Михайловича, первого из Романовых на престоле. Дворец сохранили в первоначальном виде, первоначальной цветовой гамме – красное + зеленое + много белого.

Допетровская Русь – веселенькая жестокость, распорядок и четкая обрядовость в красно-зелено-белой обертке. Не функциональная окраска. И точно – не боевая.

Затем пошли к Успенскому собору, «что на Городке». Второе место в мире, где сохранились фрески Андрея Рублева (первое в Успенском соборе во Владимире). Собор был закрыт. Еще не началась служба.

Собор построен в конце четырнадцатого века. Время начала на Руси Возрождения. Только что побили впервые

за долгие десятилетия татар, укрепляется государственность. Прекрасная архитектура. Небольшого роста, приземистый храм, под одним куполом, напоминающим древнерусский шелом, и с каменным узором молитвы, вырезанной снаружи по периметру главного нефа. Ясная архитектура, соразмерная.

Собор на горе, над дорогой, за городом. К нему в гору ведет улица, которая и называется – «Городок». Приземистые, деревянные домики. Единый ансамбль естественного величия простоты и ясности на всем.

Удивительно, но в каком-то из соседних Сарраев рядом с храмом были найдены три иконы Рублева, из деисусного ряда собора, запечатлевшие ясный, небесный взгляд гения, – «Спас Нерукотворный», «Архангел Михаил», «Апостол Павел», которые сейчас хранятся в Третьяковской галерее.

«Здесь работал гений». – Сказали мы друг другу и ушли из «Городка» к ожидавшей нас внизу у источника проржавевшей черной «Волге».

Получается, что российская цивилизация – это процесс, который невозможно зафиксировать. Полученные при этом результаты – почти не регламентируемая случайность. Поэтому так много в православии безвестных героев-гениев-старцев, которые посвятили свою жизнь вечности. А вечность – не формулируема, недоступна, неизвестна, но идейна, то есть идеологична. И в этом смысле безвестные стар-

цы-гении посвятили свою жизнь идеологии. Идеологии Спасения.

Русская цивилизация замешана на идеологии, которая основана на духовном созидании и построении новой виртуальной реальности, а не на демократии, которая основана на потреблении и освоении существующей реальности. Есть цель – есть результат. Есть многочисленные военные, политические, религиозные и культурологические победы в разные времена и при разных режимах. Западная цивилизация деидеологизирована и потому демократизирована. И нет проблем с экономикой, политикой, общественным устройством, чем так страдает русская цивилизация. Но я все чаще и чаще прихожу к мысли, что демократия – это не лучший способ политического устройства государственной жизни. Как, собственно, любая узаконенная стихия.

Я не капризничаю, я не страдаю меланхолией, прозванной в русской литературе ностальгией. Я честно исповедую перед вами свои чувства, мысли и переживания.

Потрясающая неоконченная картина Леонардо да Винчи. Оскопляющий себя святой. Впечатление: из хаоса проявляются ясные, чистые черты лица, ясные формы тела, выражающие ясные намерения, твердость духа и жеста. Ключица, плечо, выражение лица, слабые прорисовки строения на заднем плане. Наполовину рычащий лев. Дыхание, мощь и агрессия льву уже даны, но едва прорисованные формы еще не позволяют льву жить. Из хаоса рождается гармония. Из

безвестности скудоумия и стихийной аморфности вырастает ясный гений.

На выходе из музея я купил открытку с фразой, приписываемой в это виде Карлу Валентину, – «*Kunst ist schön, macht aber viel Arbeit*» («*Искусство прекрасно, но требует много работы*»).

Я смотрю на витрины, на гуляющих немцев и гостей со всего света. И думаю о том, что никогда в России не будет такого комфорта, точнее, удобства для жизни человека, что есть здесь. Никогда. Потому как комфорт требует платы. А резервы есть только в бесконечной душе. Поступаться душой Россия не намерена. Никак. Видимо, никогда не соединить Восток и Запад вновь. После раскола христианства на православие и католичество в 9-11 веках. Последняя надежда – Россия. Россия – последняя возможность соединить Восток и Запад воедино, в единое и неразрывное гармоничное существо.

Вещество соединения?!

Любовь и жертвенность.

А как бы хотелось!

Как же соединить ясность западного ума и сакральность восточной души, неотвратимую логику Запада и божественную духовность Востока?!

Но что? Что сделала Россия такого, что может быть использовано другими народами, человечеством в целом?! И сделает ли? Если да, что это такое?! Этот вопрос не дает по-

коя.

В России все бы хорошо, когда бы не люди. Гениальная прямая поступка есть в жизни каждого человека. Не каждый человек ее различает. Гениальная прямая поступка есть в жизни каждой нации. В какой-то момент нация перестает различать свой путь, и погружается во тьму. Что и происходит с русской нацией.

Русские не справляются с задачей, возложенной на них Богом, – распространение учения Христа. Огромная территория – одна шестая часть земной суши – русским дана исключительно с целью православизации человечества, а не для удовольствия или гордости. Подобно, как и евреям почти четыре тысячи лет назад дана земля Ханаана для утверждения Господа среди людей.

Пик государственного величия России пришелся на восемнадцатый-девятнадцатый века. Все получалось, все склонились, страна пухла как на дрожжах: Польша, Бессарабия, Финляндия, Маньчжурия, Средняя Азия. Еще бы чуть и удалось вернуть православиию Константинополь. Но тогда – не судьба. Россия лишь отплатила Турции за Византию, выгнав с Балкан и потеснив на Черном море.

Звездный час и начало заката Российской империи – это когда в 1879 году русские войска под началом генерала Михаила Скобелева подошли к Стамбулу, чтобы восстановить Константинополь. Если бы русские войска взяли в тогда Стамбул, империя бы жила, европейская история развива-

лась бы иначе. Отступив от Стамбула, империя пошла к гибели. Инерции хватило всего на 40 лет. Потому что Россия не выполнила в 1879 году поставленной Богом задачи – распространение православия, не осознала миссию исторического поступка, возвращающего православие на исторические христианские земли. Политиканствующая, светская российская элита не сдюжила, осадила, испугалась. В результате Российская империя, которая создавалась 900 лет, изничтожившись за 40 лет, рухнула в 1917 году. В одночасье. За непокорность перед предначертанием Божиим.

Такое знала история Древнего Израиля, лидеры которого и народ терпели лишения, изничтожались, когда не выполняли предначертания Бога.

Вот что изрек первому израильскому царю Саулу в 11 веке до Р.Х. Самуил, последний судья Израиля: *«Неужели все-сожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов. Ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство. За то, что ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем».* – 1 кн. Цар. 15. 22–23. Произошло следующее: Саул, вырезав все племя амаликитян от мужчин до женщин и грудных детей, все же не выполнил полностью наставление Самуила, данное ему перед походом: *«Теперь иди и порази Амалика и истреби все, что у него; не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай за-*

клятию все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла». – 1 кн. Цар. 15.3.

Прислушавшись к просьбам простым израильтянам, Саул взял добычу, коров и овец, в том числе, и для принесения захваченных коров и овец в жертву Всевышнему. За своеволие Саул был жестокого наказан, вскоре (по историческим меркам) потеряв и честь, и достоинство, славу, власть, жизнь – перед царем Давидом.

Конечно, иной масштаб. Но важен принцип. Божественное поручение может быть нелогичным, жестоким или неподдающимся человеческому пониманию. Но воздаяние следует непременно вслед за неисполнением Божественного поручения, каким бы диким не казалось это поручение людям, нации, стране, то есть исполнителям надо исполнять, а не трактовать Божью волю.

Все! все расширения, завоевания, государственная экспансия и влияние России – всё происходило для и ради православия, всё – по заказу свыше, всё в рамках выполнения небесного договора аренды.

Договор прост – арендодатель/Бог сдает арендатору/русскому народу в аренду землю на предмет распространения православия, на предмет спасения душ человеческих; причем, у арендатора нет никаких прав – кроме одного – права на спасение души во Христе и, собственно, распространение православной веры среди народов; и арендодатель в лю-

бой момент может отобрать землю у арендатора, расторгнув в одностороннем порядке договор аренды. Потому что земля Богом дана русскому народу во временное пользование, в аренду.

Так много земли для себя русским не нужно. И никому не нужно. Так много земли дано было русским, чтобы утверждать через православие учение Христа в сердцах человеческих. А нет подвига миссионерства, нет спасения, нет Бога в России, не нужна и земля, собственно, не нужна и Россия.

Что и происходит. Ибо не выдерживает русский народ условий аренды.

Сейчас Россия теряет свою огромную, невысказанную по человеческим меркам территорию.

Россия начала терять земли и силы с момента большевизации, с 1917 года. Поскольку люди, живущие на этой земле, данной им Богом, не сумели ею распорядиться, не сумели утвердить православие, и даже отторгли Бога на значительной ее части, а более всего в своих сердцах.

Подписав унию с католичеством – Византия исчезла с карты мира. Византия сохранилась лишь в памяти и молитвах.

Россия сохранится на карте, если сохранится в вере и молитве, в православии. Иначе, лишь в истории, подобно Византии.

Завершается одиннадцатый век русской православной веры. Оплотом православия Россия прослужила всего лишь

шесть веков. И обрела многие святыни и много молитвенных, святых мест.

Таких молитвенных мест и святынь в Византии было еще больше. Византия превратилась в один огромный монастырь. Но все осталось в прошлом, исчезнув даже из памяти. Несмотря на то, что до пятнадцатого века, – когда Константинополь окончательно захватили турки, – Византия была центром и оплотом православия/восточного христианства, то есть более тысячи лет земной жизни христианства! И погибла!

Если в России останется молитва, останется и Россия.

Нет – нет!

Тысячу лет назад Господь определил русских – как новую судьбу мира. Значение России – изрекать миру истины. Прописные истины, о которых мир благополучно забыл. И спасти мир от греха и зла.

Ради изменения мира русским было дано православие и огромная территория, и силы. Разумеется, старый мир сопротивляется и пытается всячески сломать Россию на протяжении тысячелетия.

Русские уберегли Европу от татар в тринадцатом-четырнадцатом веках, русские остановили экспансию немцев и шведов в тринадцатом-семнадцатом веках, русские подчистили Европу от турок в восемнадцатом-девятнадцатом веках, русские спасли Европу от французов в девятнадцатом веке, русские остановили распространение фашизма в пер-

вой половине двадцатого века, русские спасают мир от арабского и чеченского терроризма в конце двадцатого и, судя по всему, начале двадцать первого веков.

Россия выполнила свою историческую миссию по отношению ко многим народам, обеспечив им на века покой и защиту, что позволило им не только сохраниться и возрасти (евреи, грузины, армяне, узбеки, таджики, туркмены, литовцы, латыши, карелы, казахи, финны, азербайджанцы и др.), но и получить свою государственность, которой у них или не было вовсе, или не было очень давно.

И вместо признательности и доброй памяти Россия обрела ненависть и ненависть, недоверие и недоверие.

И, если грузины – народ-кукушонок. Но ведь и от остальных ничего. Ничего!

Удивительная человеческая неблагодарность морем разлитым заливают землю. Сколько же можно жертвовать, жертвовать и жертвовать? Ничего не получая взамен, кроме телесной смерти и спасения души!?

Всегда! Жертвовать надо всегда. И неважно, что спасенный мир не отблагодарил Россию за свое спасение.

Ибо не ради благодарности человеческой русские совершали и совершают эти подвиги. Но ради спасения душ своих. Ради служения Господу. Ради исполнения условий аренды на полученную от Господа землю.

И, наверное, окружающий Россию мир, плох и неблагодарен. Может быть. Наверное.

Но ведь именно окружающий Россию мир, более всего западно-европейский, католическо-протестантский мир, – в первой четверти двадцатого столетия приютил миллионы русских после большевистского переворота, дав право выжить. И за это спасибо. И это нужно помнить.

В случае чего и Россия приютит детей другого мира. Как это уже случалось в семнадцатом-восемнадцатом веках, когда Россия приютила миллионы немцев и евреев (впрочем, евреи – особый случай).

Россия всегда готова спасти человека из другого мира, например, западного. Несмотря на чуждость в мировоззрении и вере, несмотря на давнее соперничество. Несмотря на то, что западный человек смотрит на свою жизнь снаружи. Восточный человек – изнутри. Западный человек прежде всего и во всем считает! Восточный прежде всего и во всем чувствует!

Несмотря на то, что современный западный мир основан на протестантизме, поскольку капитализм – экономическая основа западного мира – вырос из протестантизма. Собственно, капитализм – это земная жизнь протестантизма. А в основе капитализма – деньги. Деньги – шаблон и мерило, аргумент качества, аргумент успеха, деньги – как аргумент развития, то есть, деньги – как аргумент продолжения рода. Но поскольку – природа денег сатанинская, значит, основа современного западного капитализма – увы! – сатанинская.

Пример. С ленты новостей Reuters: «*В Норвегии гомосек-*

суалист стал настоятелем церкви. В Норвегии гомосексуалист Йенст Торстен Ольсен назначен священником в одну из церквей Осло. Министр по делам церкви Тронд Гирске заявил по этому поводу, что протесты представителей местной церковной общины совершенно неоправданны и Ольсен прекрасно подготовлен для исполнения обязанностей священника. Ольсен – первый гомосексуалист, ставший священником в государственной лютеранской церкви Норвегии».

Безумие. Небытие. Богоборчество. Переписывание Библии. Сектантство. Строго говоря – это уже не христианство, а сектантство. Ибо в христианской церкви гомосексуализм – жесточайший грех, за который, например, в ветхозаветном мире карали смертной казнью.

Исключительно в западном христианстве возможен гомосексуалист-священник. Причем, именно в протестантской церкви.

Потому что реформаторы-протестанты, – создавшие свою церковь в шестнадцатом веке, путем выхода из католичества, – отвергли почти все традиции, кроме одной – Библии. То есть внешне протестанты обратились к истокам христианства. А этого оказалось недостаточно для сохранения неизблемости христовых истин, ибо христианская Церковь – это земная церковь, которую строят люди, стяжавшие Духа Святого. Отвергнуть святые труды святых отцов, их святость, их постижения и результаты и достижения на пути к Богу, – это значит, отвергнуть Духа Святого, которого стяжали мно-

гие поколения людей на протяжении многих столетия строительства земной Церкви.

Что – никак.

Все одно – протестантизм должен пройти весь тот путь, который до шестнадцатого века прошли католицизм и православие. Либо умереть.

Основная причина появления гомосексуалиста-священника в том, что в западном христианском мире профессиональная функция человека отделена от человеческой функции. А потому западный священник – всего лишь профессия, функция. А профессиональная функция легко отделяется от человеческой, от человеческих пристрастий. В западном христианском мире человек – это функция, средство. А цель – новое общество, которое уже затем формирует нового человека.

Восточный христианский мир всегда искал точку совмещения профессионального и человеческого, стремясь к идеальным образцам – царь, пророк, святой, старец, апостол, Христос. В восточном христианстве, в России, государство – это функция, средство. Обратная зависимость. А цель – новый человек, который уже затем формирует новое государство.

Это – выбор. Вопрос только в том – все еще, или уже?!

Западная идея предпочитает процесс и отдает ему предпочтение.

Не то русская идея – предпочитает результат.

Потому западный человек любит устраиваться и обжигаться, а русский на протяжении многих столетий рвется к несбыточному результату.

Пример. Даже алкоголь – производное этих идей.

Виски – хороши в процессе питья, потому долго пьются.

Водка – хороша после питья, водка нейтральна в процессе питья, потому быстро пьется.

Полярные напитки. Полярные цивилизации. Полярные идеи. Борьба с переменным успехом между Востоком и Западом, между западной и восточной цивилизацией, между западным и восточным христианством длится более тысячелетия. Кто же победит!?

Тоска! И любовь!

Ибо западная и восточная христианские церкви скучают друг без друга.

И даже когда люди этих церквей на протяжении последнего тысячелетия воюют друг с другом, – войны эти проистекают от тоски, от невозможности справиться с тоской друг о друге; и от такой безысходности разделенные христианские народы пытаются хотя бы в войне соединиться друг с другом, сцепившись в экстазе сражения – ведь в страсти боя все едино. А пытаясь захватить друг друга, они пытаются воссоединить разведенные церкви в единую семью.

Все христианские войны последнего тысячелетия – это гражданские войны, которые происходят от страшной боли разорванных сердец, – одного сердца Христа, – и непреодо-

лимой боли одиночества и оторванности от родной плоти, что испытывает каждый христианин.

Потому что христианство – это единая семья, члены которой оказались насильственно разведенными по разные стороны.

И ни одна из христианских церквей не самостоятельна. И в этой несамостоятельности христианские церкви болезненно ревнивы в отношениях друг с другом, мелочно придирчивы и обидчиво пристрастны, невероятно завистливы.

Но главное ощущение, после знакомства со всеми разногласиями и аргументацией сторон: зря, напрасно эти споры, – впрочем, даже не споры, а их последствия, – стали достоянием мирян, простых людей, которые никогда не утруждаются аргументацией. Поскольку аргументация сторон слишком умозрительна для простого человека, строящего отношения с окружающим его миром на уровне действия, а не теории, не игры ума, не идеи.

Потому догматические или обрядовые разногласия между Восточной и Западной Церквями, точнее, между православием и католицизмом, выглядят вымороченными в умах мирян.

В то же время, аргументация православия мне понятнее, ближе, доступнее. Потому как аргументация православия безыскуснее, естественнее, проще, отсылает спор к началам христианской церкви.

Хотя надо признать, что аргументация католицизма – вы-

глядит умнее, точнее – искусственное, изоощренное, схоластичнее. Аргументация протестантизма – естественнее, доступнее, практичнее, точнее – примитивна и утилитарна, эклектична.

Но изоощренность католицизма или доступность протестантизма при сравнении с безыскусностью православия – проигрывают. В глазах Бога.

Пример. На Пасху благодатный огонь сходит лишь к православному патриарху!

Так во всей жизни – православная церковь во всем безыскуснее, даже во внешнем облике храмов и во внутреннем убранстве, католические храмы изоощреннее, протестантские храмы доступнее.

И, действительно, восточная и западная христианские церкви даже внешне были очень похожи до окончательного разрыва в 11 веке.

Пример. Романские храмы в Европе (например, в Кельне) очень похожи своей лаконичностью на православные храмы. Церковная западная готика (после 12–14 вв.) – это свидетельство начала нового культурологического и мировоззренческого пути западной христианской церкви.

Время от времени победно совпадают пасхалии, исчисленные по юлианскому (изначальному) и григорианскому (нынешнему западному) календарям.

И может быть – это есть начало нового этапа развития западной христианской церкви. И может быть – это торжество

православия. Или просто торжество христианства.

Христианское воссоединение неотвратимо, потому как христианство – религия жертвенной любви. Христианство основано на жертвенной любви.

Пример. Я молился вчера в Дом перед мощами волхвов, которые вывезены в Европу насильственно во время одного из крестовых походов на Ближний Восток и в Азию, а в Кельн привезены из Милана в 1164 году архиепископом Райнальдом Дассельским. Неясно, сохранились бы они там, на Востоке, во время исторических катаклизмов. А здесь сохранились. И сейчас – это основное духовное достояние Германии, основа духовной мощи германской.

Получается, что порой насилие – единственный способ сохранить духовные ценности.

Расчет, насилие, комфорт, деньги и реформы, любовь и свобода, либерализм и православие – в основе западной цивилизации. Основные достижения западной христианской цивилизации – комфорт и свобода желаний.

В основании России – интуиция, терпение, аскетизм и насилие, альтруизм и любовь, ортодоксия и православие; основные достижения России – аскетизм и свобода отказа.

Много общего. Потому как христианская религия – вселенская религия. Христианин – это вселенский человек. Христианство и было изначально рассчитано на всех, христианство наднационально. Естественно, что и у русских нет национальной определенности, поскольку в основе своей это

православный народ.

Русь – православное царство, христианское царство, в котором нет ни эллина и ни иудея, то есть нет национальной определенности, потому как христианство создает *«супернациональность»*, по выражению русского философа Николая Лосского, высланного из России в знаменитом пароходе в 1922 году, вместе с тезкой Бердяевым и другими знаменитыми русскими знаковыми персонажами первой половины столетия.

Нынешний русский народ создан православием. До православия русской нации не было. Русский православный – это супернациональность, а русский русский – это просто белокурая голова с широким скуластым лицом и костистым телом. В *«Велесовой книге»* записано – *«Так мы шли, и не были нахлебниками, а были русскими – славянами, которые богам славу поют и потому – суть славяне»*.

Славяне – язычники даже по смыслу названия своего, – это, *«которые богам славу поют»*. То есть основной мотив и импульс жизни славянина – служение богам.

Но русский – это не славянин, точнее, – это уже не славянин, это – следующий шаг.

И замечательно, что русский сохранил от славянина не только цвет волос и кожи, но и – в качестве основного мотива и импульса к жизни – страсть служения Богу.

В этом огромная сила русского православного народа, ибо страстность и импульсивность освобождают человека от

мысли о последствиях поступка или желания. И в этом качественное отличие русского человека от западного человека, русской цивилизации от западной.

Россия создана ради достижения Бога. Россия создана для массового обожения. И все, что этому способствует – все полезно. Назначение России – приближение к Богу, достижение Бога.

Именно новая идея воспроизвела на свет русскую нацию, а не наоборот. Идея эта была от Бога, а не от конкретного человека, или группы людей.

Поэтому можно говорить о существовании именно русской цивилизации, русской культуры, столь же отличной от африканской, индийской, западной, как и названные друг от друга.

Единственный смысл эксперимента под названием Россия – это достижение Бога, а не устройство жизни на земле.

Вот и получается, что Россия – это самое праведное и близкое к Богу место на земле. Земной Олимп.

Только сейчас сообразил, что запои отца и мои периоды поэтического вдохновения, во-первых, имеют одну природу – страсть, а, во-вторых, длятся примерно одинаково – месяц-полтора. Но, видимо, мой отец талантливее меня. У него запои чаще и продолжительнее, нежели мои периоды поэтического вдохновения. На него Святой Дух сходит чаще. Он пугается откровения явившегося ему днем или при свете луны, и пьет. А я пугаюсь и пишу стихи.

Вот эта близость к Богу – есть подарок от отца мне.

Такие же запои были и у Семена – отца отца, и у Гавриила – отца отца отца.

Как же я раньше не понимал очевидного?

Ведь запои – это посещение человека Богом. Собственно, конечно, не запои, а состояние предшествующее запою. Человека посещает, касается дуновением, дыханием Дух Святой.

И чаще человек не выдерживает вопроса Бога, либо не знает, что же делать, а чтобы сохранить напряжение, сохранить планку, высоту, либо попытаться нащупать путь, ведущий в глубь вселенной, к Богу, начинает пить, или писать стихи, сочинять музыку, влюбляться и др. чудеса совершать.

Очевидно, что Дух Святой все еще посещает русского человека. Потому-то и запои столь часты в России. И неадекватен русский человек просто потому, что в момент посещения Духа Святого человек себе не принадлежит, а человек принадлежит Богу. И, конечно, человек может изменить все первоначальные планы. И правильно сделает, ибо человеку надо идти за Богом.

И человек, которого посещает Дух Святой, способен на великие свершения.

Совсем не то в западном христианском мире, в котором человек предсказуем, в котором человек выбрал правильный путь, логический, просчитанный, но далекий от Бога; и путь это приводит к тому, что человек становится слеп, глух и

нем, ибо с ним Бог не говорит, ему в лицо не дышит Дух Святой.

Потому выбор России – Дух Святой. Ради общения с Богом нация готова идти напропалую, спиться, или вовсе умереть, раствориться, но не терять общения с Богом.

Вот это качество я наследовал от отца!

Потому-то у русских есть Матросов и Гастелло, и много подобных им, которые из импульса, их страсти, жертвовали, жертвуют, будут жертвовать своими жизнями ради спасения товарищей.

В этом же и нечеловеческая слабость русских.

Куда ведет страсть – туда и идут. Сейчас в церковь. Почти весь двадцатый век в безбожие. Страсть ненадежна, страсть глупа, порочна, единственна. Страсть – это не вера. Страсть не замечает подмены.

Русские крестьяне в начале двадцатого века не заметили подмены.

Русское крестьянство было языческим. Земля была для крестьянина первична, а затем Бог. Вот и не сдюжило испытаний русское крестьянство. Оно было слишком предметно, слишком утилитарно.

Крестьянин без земли – не человек. У моего рода большевики отняли землю в начале прошлого века. И род встал на путь самоубийства. Вся крестьянская страна Россия встала на этот путь.

Да. И наш род. Дед, отец и я – все прошли путь смерти. И

пьянства. Мы убивали себя, мы пытались мстить. Напрасно! Мы лишь ублажали врага рода человеческого, убивая себя.

Собственно в 1917 году царская Россия не могла не погибнуть, ибо столкнулась с технологией лжи и кастовой морали; если я не умею врать, а главное, я не хочу научиться врать, поскольку мне противно, – я не стану врать, ради сохранения тела, даже если я умру. И умирали сотнями тысяч, миллионами, но не хотели извращать ум и чувства в угоду жизни тела, то есть не предавали дух во власть материи.

Довольно убивать себя. Надо убивать врага духа.

Я думаю о себе. О своем будущем. О своем отношении к будущему России. О своем отношении к прошлому моей страны, которую мне назначил Господь от рождения.

А какую страну мне назначил Господь для смерти? В какой стране живу я сегодня?

Великое счастье: свой дом. Покой и воля воплощены в идее строительства своего дома.

Я построю свой дом, на своей земле. Это будет дом, который переживет не только моих детей, но и их правнуков.

Но будет ли эта земля и этот дом в России?

Очевидно одно. Наследственную бедность моего рода/моих родов надо преодолеть. Много столетий бедности и нищеты моего рода – надо преодолеть.

Довольно работать на всех и всех бояться. Довольно рабства.

Рабство – это когда человек способен отказаться от исти-

ны ради чего угодно – собственной жизни, чьей-то жизни, выгод, интересов и пр.

Это и есть – духовное рабство, которое сродни безумию, которое исходит из безбожия.

Поскольку верующего человека ведет Господь, постольку стяжающий Духа Святого не может и не должен бояться земных страхов, ибо он в руках Господа.

Господство духа – это когда во имя истины человек готов пожертвовать и жизнью.

Врачи, монахи, священники, воины, учителя, ученые, литераторы, политики, – т. е. имущие власть Духа Святого, – вот новая юдоль моего рода. Работаем на Бога. Вот – будущее моего рода во всех его последующих поколениях.

При появлении, становлении и жизни рода, в каждом его поколении при создании семьи, рождении детей и их воспитании – основная задача не в том, чтобы разово достичь многого, – самому и детям, невзирая на трудности и препятствия, не считаясь с затратами и средствами, – но в том, чтобы каждое следующее поколение твое было ближе к Богу, нежели предыдущее.

Только тогда можно считать выполненной свою жизнь перед Богом и людьми. В противном случае наступит рано или поздно расплата и конец, безвестность и небытие.

Я остановился у черты. Не знаю как. Три предыдущие поколения отцовского/стержневого рода жили без/вне идеи, подходя ближе и ближе к черте бездны.

Ибо наша крестьянская идея – это была земля. Наша идея пахла навозом, хлебом, землей и огнем, лошадьми и дождем, парным молоком и свежим яйцом, до лопоты нежной утренней струей реки, и терпким потом, и трудом, и тяжелой поступью от темна и до темна.

И нашу идею у нас отобрали. И не вернули. А эта идея была нашей жизнью.

В этом была ошибка моего рода, который землю поставил на первое место перед Богом.

Три поколения. Век. Мы искали новую идею. Мы искали новую жизнь. И нашли ее.

Эта идея проста – это любовь к Богу. Земля вторична. Земля не первична.

Бог первичен. И наша настоящая жизнь – в любви к Богу, а затем ко всему другому.

Ведь все на ниточке, которая рвется дуновением, легким колебанием. И нет ничего, кроме ниточки веры и любви, что соединяет нашу жизнь с этим светом и близкими, и дает нам право на воспроизводство чуда – новой жизни.

Верой и любовью держится земля. Продержимся и мы.

Ничтожная грань отделяет человека от смерти. Такой грани практически и нет.

Жизнь человеческая, земная жизнь человека подвешена на ниточке, и даже не на ниточке, а на тончайшем волоске. И волосок этот не в человеческой руке. А в нечеловеческой руке. В руке Бога.

Особенность русского национального характера – вера в непостоянство бытия, в великую возможность в последний момент все изменить, спасти, вытащить. Именно это свойство именуют «*русским авось*». Это – великое и чудотворное «*авось*».

Потому что русский очень хорошо чувствует чудотворность и зыбкость жизни.

На русском «авось» держится Россия, нация, русская православная церковь. Русское «авось» – это и есть присутствие Духа Святого, его проявление. Русское «авось» – это есть Дух Святой.

Потому русская ментальность – это вечная и неистребимая вера в чудо, что означает наличие мощнейшего потенциала творчества. Вера в чудо – это и есть романтизм.

Романтизм – как основа русского национального характера.

Пример. На одном полюсе – государство Бруней, созданное пиратами, и на протяжении пятисот лет управляемое наследники убийц и пиратов, богатейшими людьми в мире. В этой стране триста тысяч жителей, которые купаются в благоденствии, этой страной управляет наследник бандитов, имеющий десятки миллиардов долларов в качестве личного состояния и страну в придачу. И что? Что дала человечеству эта страна и эти наследники негодяев на протяжении сотен лет? Ничего. Ибо живут эти псевдолюди только для себя. Плебеи духа. Со временем уйдут в небытие, превратятся

в навоз.

На другом полюсе – Россия, как образец обратного состояния. Нищета и голь перекатная, – да. Но русские – это животворный материал для переустройства всего мира: русские – это новая мощь США, получившего посредством русских и евреев в начале двадцатого века сильнейший импульс к развитию; именно русские евреи воссоздали Израиль и концептуально, и буквально (в качестве основной рабочей силы); и это – несколько миллионов русских, которые в начале двадцатого столетия, в годы русской гражданской войны расселись по миру и одухотворили мир, распространяя православие и культуру.

Подтверждая законы провидения, Россия живет для других, это – мессианская страна.

Миссионерство – как основа русского национального характера.

Русское государственное миссионерство было и есть особого свойства:

а) Либо – это государственное строительство и расширение территории – в конечном итоге православия. Поэтому военные победы подтверждались храмами, – церковный Петербург наполовину состоит из таких памятников воинской славы России православной, – ибо все военные и государственные победы были ради Христа. И это – шестнадцатый-девятнадцатый века.

б) Либо – это массовая эмиграция и массовое мучениче-

ство. И это – двадцатый век.

Миссионерство – это неотъемлемая часть религии, Церкви.

Есть и иная сторона миссионерства. Тебя крестят, тебя вводят в храм, потом – ты приводишь человека в Церковь, вводишь человека в вечную жизнь. Когда я кого-то крещу, я выполняю свой долг, точнее, свою обязанность по отношению к людям. Делишься с человеком радостью общения с Иисусом Христом. И горечью Его распятия. И восторгом Его Воскресения. То есть делишься чудом.

В России всегда было плохо с рациональными, будничными вещами и обстоятельствами, – и впредь всегда будет плохо с выполнением всякого рода задач, не несущих в своей основе заряда чудотворности. Ибо задачи без налета чудотворности скучны и противны, понятны и просчитываемы.

Все скучное в России плохо. Будни скучны. Потому будничная жизнь в России всегда не устроена. Всегда в России предпочтительным считается то, что несет в себе заряд чудотворности, неопределенности, неизвестности, неосознанности, духовности.

Русский народ – влекущийся к таинственности, многозначительности, размытости и всеобъемлемости, неопределенности задач, к неожиданным поворотам судьбы.

Мифологизм русского сознания сохраняется неизменным. Русские всегда излишне восхищаются прошлым, отрицают настоящее и увлекаются будущим.

И опять же все это возможно по простой причине: русским народом движет страсть.

Страсть – как основа русского национального характера.

Но страсть непостоянна. Страсть делает русское народное православие ортодоксальным, часто неумным, истошным и нетерпимым. Поскольку народное православие фанатично и слепо идет вслед за страстью и исключительно чувством. А чувство можно переманить более сильным искушением, что и произошло с народом русским в 1917 году.

И это несмотря на невероятную народную набожность, которая сродни юродивости. В каждом русском сидит юродивый.

Пример. Однажды на обедне в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря сестра-монашенка выговорила дочку мою Хану за чтение акафиста Иисусу во время литургии (и правильно сделала). Какая-то старушка-крестьянка (удивительно! но знающая церковнославянский) меня выговорила за чтение евангелия во время литургии, мол «*выше литургии нет ничего...*».

А как эти женщины крестятся и бьют поклоны, как падают на колени, как набожны и благообразны их лица с поджатыми губами!

Но почему же их отцы, мужья, дети, братья и др. – так слабы, пьяны, глупы, необразованны, скучны и часто подлы?! А их деды, прадеды, пращуры в двадцатом веке отдали Россию на поругание преступному сообществу большевиков, а

в девятнадцатом веке позволили безбожному сброду – народо-вольцам и прочей бандитской швали – беспрепятственно уничтожать национальную русскую элиту!?

Ведь всю эту вселенскую подлость в России допустил этот самый «*богоносный*» народ, который сейчас молится чуду, расталкивая друг друга в очередях к святым мощам.

Ровно также этот народ расталкивал друг друга на манифестациях, большевистских сборищах и демонстрациях. Также истово и страстно русские женщины своих детей, мужей, братьев, отцов отправляли совершать всякие подлые дела – расстреливать, охранять, пытаться, доносить и пр.

Кто обуздает русскую страсть – тот и на коне. Тот и поведет этот народ за собой. И не важен путь и цель, важна страсть.

И не надо русских жалеть. Они недостойны жалости. Они оказались недостойны милости Господа.

К тому же наш человек зол. Если у простого русского человека отнимают нечто, – как он уверен, – принадлежащее ему, он все сделает, чтобы и никто другой не мог этим воспользоваться. По принципу: не мне – так и никому. Впрочем, это не исключительное свойство русского человека. Это свойство любого простого человека, не искушенного интеллектом или верой.

Но у русского народа нет системы. Надо наложить на страсть систему – и так спасти.

Православие и есть тот идеальный жизненный выбор – со-

единение страсти и системы.

Русь святая – храни веру православную! Это не лозунг. Это – национальная формула спасения. Для России. На все времена.

Русский – без и вне православия, без и вне христианства – ничто.

Потому что высшее достижение страсти – увлечение Богом.

Кстати, у евреев обратная история – есть система, нет страсти. Евреи – это народ системы. Еврею не достает страсти и воображения. Потому и для еврея идеальный вариант – православие.

И, разумеется, православие не нуждается в осовременивании.

Православие современно, ибо не отреклось от вечности, от естественности и от милости, и всепрощения, от святости. Это все равно, как если бы сказать, что время (как категория) – нуждается в осовременивании.

Трудность в том, что от русских ничего не надо ждать и требовать – это богоизбранный народ. Господь с русским народом сам разберется. Русский народ Господу зачем-то нужен, иначе народ русский давно исчез бы с лица Земли.

Были времена в России худые, например, – татаро-монгольское иго, или Смутное время, самозванцы и пр. Но такого плохого времени никогда не было. Ибо никогда еще так далеко не отходил русский народ от Бога.

Господь наказывает русский народ даже не за дурные дела, а за отсутствие веры.

Наказывает дурными делами. Например, проклятием пьянства. Или войной. Или проклятием разврата.

Больное и развратное нынешнее русское общество. Блядство называют – *«двойным, тройным дном человека», «какой-то человеческой тайной», «загадкой человеческой души»* и пр. бред.

Как только Россия начинает устраивать жизнь в реальном и материальном смысле этого слова, презрев духовное, она гибнет. В этом – уникальная и принципиальная специфика России. В непонимании этой особенности и кроется причина непонимания России.

Но не буду торопить события. Господь даст русским больше, чем мы и предполагаем. И если нам важны физические результаты, мы их и будем иметь. Но лишь тогда, когда эти физические результаты не станут вредить нам по дороге к метафизическим целям, установленным нам Богом.

Хотя, конечно, нет никакой зримой, явной границы между вещественным и невещественным, между физическим и метафизическим, между материальным и духовным. Такая граница проходит лишь в наших мечтаниях. На деле такой границы нет. Или, что точнее, такая граница проходит всюду и во всем. Всюду и во всем нет возможности разделить мистическое и физическое.

И ветхозаветные десять законов и новозаветные заповеди

обращены к духовному, метафизическому больше, чем к материальному и физическому.

Но очевидно, что духовные цели, поставленные перед человеком Богом, могут быть не достигнуты, когда человек в своей физической жизни начнет нарушать заповеди путем зримых физических действий. И тогда физические действия разрушают духовную империю Бога на земле.

По этой самой причине в России уже более столетия наблюдается повсеместное помрачение ума и атрофия духовности.

Двадцатый век в России оказался заложником девятнадцатого столетия, отдуваясь за псевдоромантизм, эгоизм, бунтарство. Как итог – возгонка человека путем коммунизма, фашизма, социализма.

Политический терроризм конца девятнадцатого столетия попытался взять все русское общество в заложники – ради свержения строя и захвата власти. Результат был плачевен. Общество было расшатано и рухнуло в начале двадцатого.

Эксперимент почти завершился. Вопросы, которые предстоит решать двадцать первому веку, сформулированы окончательно в конце века двадцатого. Времени почти нет.

Девятнадцатый век передал эстафету веку двадцатому. Политический терроризм в России конца девятнадцатого столетия превратился в националистический терроризм и международный конца двадцатого столетия. Великое достижение цивилизации – потребность в политическом само-

утверждении уступила место потребности националистического самоутверждения. Но национализмом надо переболеть, как и национальностью. Но пока национальная духовность уступила место национальной физиологии (если допустим на минуту сравнение общественного и человеческого организмов).

Пример. В конце двадцатого столетия заложников в Чечне берут ради свержения существующего строя и захвата власти: слова чеченских боевиков относительно готовности к смерти ради веры пусты, – ибо пожелавший собой пожертвовать, жертвует только собой, не прячется за мирными людьми, не подставляет косвенно и напрямую свой народ под пули, бомбы и ненависть, религиозный воин жертвует только собой. Значит, террористическая война в Чечне идет исключительно ради власти. Как и террористическая война в России – конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. Конечно, чеченцы – народ моложе русского, а потому может быть энергичнее и агрессивнее. Чечня находится в состоянии исторического общественного возбуждения, перетекающего в эрекцию: и чеченская сперма брызгает беспорядочно на окружающих. Ошибка русских в Чечне в том, что русские в Чечне слишком серьезны. Слишком серьезно воспринимают чеченцев. А чеченцы – это дети (даже не юноши) в ряду народов; чеченский народ еще находится на стадии гормонального и полового, общественного созревания. И это вовсе не обидно. Разве можно обижаться на юношеский воз-

раст русского народа по отношению к взрослости евреев и греков, которые столь же снисходительны внутренне по отношению к русским, как русские к чеченцам. Детскость чеченцев выражается например в том, как чеченцы описывают происходящие с ними события – неважно какого рода события, плохие или прекрасные. Чеченцы всегда фантазируют. Чеченцы ведут себя, как малые дети, которые не врут о происходящем, а именно фантазируют, воображают, выдавая желаемое за действительное. А когда реальность не совпадает с фантазией, уничтожают или не замечают эту реальность, но не трогают своих фантазий. Потому что чеченцы боятся разрушить свои фантазии, потому что их фантазии – это и есть их мир. То есть, не разрушая свои фантазии, чеченцы охраняют свой мир, который нуждается в фантазиях, как в воздухе. Совсем как малые дети. В достаточной мере этого не понимают ни в России, ни на Западе. Ибо взрослому человеку/взрослому народу, который давно отвык от детей и собственной детскости, – свои выросли, а образ жизни не предполагает общения с детьми, – всегда довольно сложно понять малых детей и юные народы. С чеченцами надо вести себя как с малыми детьми. Этот народ – как малое дитя. Ему надо потакать в малом, завоевав доверие в большом искренностью намерений, силой устремлений и убеждений, и твердостью позиций. Чеченцы переживают трагедию, которую пережили многие народы. Нация разделилась на две части. И уже не скоро чеченский народ станет единым. И

лишь жертвенность чья-то, высокая жертвенность способна замирить народы и остановить войну и уничтожение людей, и взаимную озлобленность чеченского и русского народов.

Но по большому счету чеченские войны ничего не значат. Если чеченцы и иже пойдут дальше, будут продолжать воевать, они проиграют русским, ибо природа чеченской ошибки, породившей устойчивое заблуждение насчет слабости и покорности русского народа, тех же корней, что и заблуждение, приведшее к гибели Гитлера и иже в 1945 году, приведшее к гибели большевизм в восьмидесятих годах двадцатого века.

Нельзя захватывать Россию – тогда Господь открыто помогает русским. Но и русским никуда не надо лезть. А надо мирно заниматься своим делом.

Русский мир – это невероятная, надчеловеческая, духовная, точнее – Святодуховная агрессия. Нет агрессии Святого Духа – нет духовной России, нет России Духа, нет России.

Контраст переживаний, контраст ощущений и реакций, контраст реальностей – вот Россия в формате конца двадцатого века.

Мое поколение, поколение моего отца и поколение деда – все жили в бедной, униженной и разбитой стране, несвободной и грязной. В этой же стране родились и растут мои дети.

Мы привыкли к такой стране.

Проблема изменения страны – это проблема изменения нас.

В нынешнем состоянии у русской нации нет будущего. Сейчас у России нет будущего. Страна превратилась в отстойник. В импульс, обращенный назад. Все движения, производимые сейчас нацией, разрушают нацию, лишая будущего, отторгая прошлое.

Господь наказывает русских пьянством, ленью и вымиранием.

Пример. В конце двадцатого столетия ежедневно в России делается до четырнадцати тысяч аборт, в год – от двух до пяти миллионов.

А потому нация состоит изрядно из преступниц (врачи и несостоявшиеся матери/заказчицы аборт) и из преступников (врачи-убийцы и несостоявшиеся отцы/заказчики аборт).

Женщины, не имеющие любви в заскорузлых и эгоистичных сердцах своих, не желающие стать матерями, становятся заказчицами убийства собственных детей; врачи, помраченные умом, становятся палачами, сладострастно участвуя в массовых казнях младенцев.

Откуда взялась легенда о невероятной силе, красоте, стойкости и благородстве русской женщины? Миллионы аборт ежегодно подтверждают ничтожество, примитивизм и низменность типичной русской женщины. Русская женщина – это мыльный пузырь, пустота, глупость, ничто. Аборт не делается силком, именно женщина – основная виновница и заказчица аборта.

Откуда взялся миф о величии русской души? Ничтожность, примитивизм, эгоизм и пошлость русской души – вот что я вижу и чувствую в нынешнем русском народе. А также отсутствие идеалов и благородства. По причине бесконечных аборт, душевного формализма, духовного омертвления, телесного и интеллектуального разврата, скудоумия и утилитарности, безбожия.

Россия продолжает платить по счетам. Если русский народ не обратится к Богу – конец придет русскому народу.

Безбожие и аборты ломают предназначение русской нации, лишая нацию земли и инстинкта воспроизводства.

Пример. С конца двадцатого столетия русский народ ежегодно сокращается на миллион человек.

С такими темпами вымирания через столетие от русского народа останется не более полутора миллионов человек, которые не сумеют удержать даже Московскую область.

Россия разрушается по причине отторжения Бога. Сжимается – как шагреновая кожа.

Как, например, это случилось однажды с ветхозаветным Иерусалимом, который лишился земли в наказание за отторжение и распятие Мессии, Господа нашего Иисуса Христа. Потому что евреям, как и русским, Господь дал землю в аренду – во имя духовного просветления других народов – не ради земных удовольствий или земной власти.

Если русские люди не обратятся к Богу – конец придет русскому человеку.

Совершенная весна на дворе. На немецком дворе немецкая весна.

031499. В Кёльне много сакур, деревья без листьев, усыпанные маленькими розовыми цветочками. Очень красиво. Утром воскресным идёшь по пустынной мостовой. Тихо. Не гремят кастрюли, не шипят шины на поворотах, не грохочут дурацкие велосипеды с равнодушными велосипедистами на борту. И только свежие анютины глазки у подъезда умиляют душу, а розовая сакура поодаль напоминает средний возраст моей молодости – Дальний Восток.

Сходили на знаменитую выставку Körperwelten – демонстрация человеческого тела в разрезе. Весь человек изнутри. Что-то вроде анатомического театра эпохи европейского позднего просвещения, а России – начала восемнадцатого века. Кстати, первый и последний анатомический театр в России в Санкт-Петербурге (на месте нынешней кунсткамеры) просуществовал несколько лет – сгорел. И не был восстановлен. Видимо, нельзя познание человеческого тела превращать в театр, в шоу.

Современный вариант анатомического театра, анатомического театра 21 века, придуманный немцами, – собственно шоу.

А человеческое тело должно быть предано земле. Смерть – сакральна, и сокровенны минуты смерти. Человеческое тело должно быть предано земле. Иного не дано. Эта выставка

с дьявольским душком. Только немцы, единственные в истории человечества додумавшиеся во время второй мировой войны до технологии, конвейерной технологии использования человеческого тела, единственные в истории человечества освоившиеся в производственных масштабах технологию сдирания человеческой кожи, затем использования этой кожи в качестве, например, абажуров и пр.

Вот об этом я и вспомнил, бродя между вываренных в формалине скелетов и пропитанных силиконом кусков мертвой плоти и мертвых тел. Немцы не забыли, не разучились умению сдирать с покойников кожу.

Эта выставка сгорит. Однажды ночью. И это лучшее, что можно пожелать организаторам этой выставки. Хорошо бы без человеческих жертв.

Мы вышли вон. На улице дождь, ветер, сыро и неуютно. Недалеко от выставочного зала и городской ратуши огромные стоячие трибуны, на которых стоят десятки разряженных, поющих, кривляющихся людей – старые, молодые, совсем юные, мужчины, женщины и дети. В город нагрянул карнавал. Я долго стоял, стоял, смотрел и слушал – и не понимал их. Я не понимаю немцев. Природу их необычной энергетики. Я не понимаю мотивов их жизни. Я не понимаю, не знаю, что они будут делать в разных обстоятельствах, как станут поступать, почему изменят, или отчего пожертвуют, когда бросят, когда спасут. Не знаю, не понимаю. Они совсем не мы. Совсем иные.

Вот пример.

Два с половиной года назад (или вчера, или завтра, или два с половиной года назад, год/ы ли спустя – какая разница?) мы в Кобленце, городке, который стоит на слиянии рек Мозеля и Рейна. На самой стрелке стоит памятник прусскому императору Вильгельму (остался лишь постамент), – символ независимости объединенной Германии. В оформлении памятника – орел, огромная, зловещая и злая птица, с хищными когтями. Нет и намека на доброту, понимание, всепрощение – только насилие, агрессия и смерть – в основании объединенной и независимой Германии. Только сила и только агрессия – в основании Германии и германского народа. Этот народ ценит только силу. А затем уже все другое.

Как же научиться языку силы!?

031599. Язык силы! Что это и как это – язык силы? Язык силы!

Заклинание это я повторял, стоя на следующий день под аркой старинных крепостных ворот 13 века в двух шагах от карнавального шествия, традиционного карнавала, который случается в Кельне уже на протяжении нескольких столетий.

Много красок, много веселья, много счастливых детских лиц и самозабвенных взрослых, но слишком много и пьяных лиц, безмозглых, пустых, тупых лиц.

Но нет безмятежной, покойной радости, всепоглощающего понимания и свежести чувств, и ясной просветленной

доброты. Нет просветленных лиц. Нет чистоты. Нет чувства гармонии, нет откровения, нет духовной радости.

Есть низменная, так называемая человеческая, радость, а точнее, просто сиюминутное удовольствие.

Много зла, агрессии, какой-то давящей, почти насильственной восторженности, к которой принуждает удушающая атмосфера официального праздника. Не просто официального, но обязательного праздника.

Слишком много костюмов чертей. Черт – самый любимый костюм кельнского карнавала. Много персонажей знаменитых фильмов, как правило, фильмов ужасов.

Смотрю на эти лица, покрашенные, в румянах, крапинку, сплошь выкрашенные в разные цвета и нахожу аналогию. Точно также я рвался на крещение.

Но я рвался за ради Бога.

А эти рвутся ради себя, только и исключительно собственного, частного, сиюминутного, личного удовольствия. А потому вокруг пустые, чаще налитые пивом и разгулом, глаза. Один из обладателей таких глаз попытался со мной подражаться. Оставил он эту мысль только после того как его обматерил по-русски.

Совершенно языческое действие, возникшее на гребне ослабления религиозного влияния, в преддверии объединения и усиления Германии.

И официальная церковь относится к этим карнавалам уничижительно. Во время этой мерзости даже закрыт Dom.

Немцы – нация без комплексов. Точнее, без рефлексии. Что делают, то и хорошо.

Вот поэтому я и прошу Господа научить меня языку силы. Только такой язык понятен немцам. С ними можно говорить исключительно на языке силы.

Выучившись языку силы, можно и в карнавале обнаружить доброе и хорошее начало.

Самовыражение. Человек хочет кем-то быть. Ну, хоть раз в жизни. Ангелом, лосем, женщиной, сказочным героем, великим воином, чертом, птицей, конем.

И второе доброе назначение карнавала. Это, – конечно же, демократичность.

Демократичный карнавал в одном ряду с демократичными народными банями и демократичным правом на абсолютную скорость на автобанах.

Бани, карнавал и автобаны – уравнивают всех немцев. Все три института позволяют каждому немцу всё иметь и всё сделать.

Ах, как же сложно понять иные народы! Что может быть тяжелее и важнее?! Понять мотивацию поступков иных народов и отдельных представителей иных народов.

Разверстые пасти, пьяные рожи, агрессивные движения, одурманенные глаза – это все немцы на карнавале. Противно до одури. Вспоминать противно. Еще противнее присутствовать при этом. Это как если бы подглядывать за человеком в туалете – любопытно поначалу, затем противно.

А эти еще орут истошно и самозабвенно – «*Alaaf*»! Они орут – «*Alaaf*»!

Разверстые пасти, масляные толстощекие рожи, пустые, злые, тупые глаза, источающие агрессию на всякого, кто помешает им вкушать удовольствие от жизни.

Каждый из них по отдельности хорош и интересен! Каждый из разрушает мифы, стереотипы и стандарты, среди которых он живет, дышит, спит, ругается, растет и ненавидит, иногда любит, но почти никогда не имеет откровения. Но этого от него и не требуется. Был бы послушен, работоспособен, типичен и целеустремлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.